





Издательство
«Детская
литература»



1380



1980





За землю русскую

Древнерусские повести

художник
И. Архипов



МОСКВА
• ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1980

P1
3-12

*Перевод, составление,
предисловие и примечания*
Л. А. ДМИТРИЕВА

3 $\frac{70803-411}{M101(03)80}$ 151—80

© Перевод, составление, предисловие, примечания. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г.



Героические страницы
древнерусской литературы





В НАЧАЛЕ XIII века многочисленные племена кочевников, населявших монгольские степи, объединились в единое феодальное государство, которое возглавил энергичный правитель и опытный полководец Чингисхан (1155—1227). Феодальная верхушка этого вновь возникшего государства была заинтересована в захвате новых земель. Создав сильную военную организацию, Чингисхан начал вести завоевательные войны. Часть монгольских племен в средние века носила название «татары», поэтому грозных завоевателей называли и монголами и татарами, в Древней Руси — татарами. В современной науке принят термин «монголо-татары». Необходимо подчеркнуть, что средневековые племена монголо-татар никак нельзя отождествлять с современными обозначениями народностей монголов и татар: это разные этнические понятия.

Войны Чингисхана начались нападением на государство Цзинь в 1211 году. Захватчики подчинили своему владычеству Северный Китай, страны Средней Азии, Северный Иран, Закавказье и Северный Кавказ. И вот в 1223 году монголо-татары вторглись во владения половцев — кочевых народов, граничивших с русскими княжествами по юго-восточной окраине русских земель.

Русский летописец, рассказывая о нашествии грозных завоевателей, сообщает, что остатки разгромленных монголо-татарами половцев бежали к русским князьям и стали просить их о помощи. Сегодня, говорили половцы, они отняли нашу землю, а завтра такая же участь грозит и вам. Половцы были давними и опасными врагами Русской земли, поэтому слова летописца об их обращении за помощью к русским князьям с особой силой подчеркивали воинскую мощь вторгшихся в Половецкие степи захватчиков. Тем не менее русские князья решают идти на встречу новым, неведомым врагам, не ожидая их появления в пределах русских земель. На небольшой степной речке Калке, впадающей в Су-

рожское (Азовское) море, произошло это сражение. Русские войска были разгромлены. Это первое столкновение русских с монголо-татарами оказалось прологом последующих трагических событий. Монголо-татары в битве на Калке обнаружили высокое воинское искусство и беспредельную жестокость. Русские воины сражались мужественно и самоотверженно, однако предводители войск — князья — не только не согласовали своих действий, но и во время самого сражения не смогли во имя общего дела забыть внутренние распри. Когда неприятель внезапно напал на стан русских, то князь Мстислав Киевский, отряды которого стояли в стороне, не пошел на выручку, а оставался на месте. После разгрома этого стана было разбито войско и Мстислава Киевского, а сам он оказался в числе плененных князей. Все захваченные в плен русские воины были перебиты, а плененные князья подверглись позорной и мучительной казни: они были удушены дощатым помостом, на котором сидели и пировали победители. И как на Калке были порознь разбиты русские войска, так порознь, одно за другим, были впоследствии захвачены и разгромлены русские княжества.

Битва на Калке предшествовала монголо-татарскому нашествию на Русь, которое началось спустя 14 лет — в 1237 году. Этот поход на запад, в Восточную Европу, возглавлял внук Чингисхана Батый. Покорив Волжскую Болгарию, отряды Батыя осенью 1237 года вторглись в пределы русских земель и начали захватывать одно за другим русские княжества. В конце 1240 года был взят Киев. Русь подпала под иго Золотой Орды — так называлось феодальное государство, основанное ханом Батыем после его возвращения из походов на Русь и страны Восточной Европы. Столицей Орды был город Сарай-Бату в нижнем течении Волги, около современной Астрахани. Золотоордынское иго продолжалось почти два с половиной столетия.

Нашествие монголо-татарских полчищ на Русь явилось подлинной трагедией для русского народа. Многие города были полностью уничтожены, в руинах лежали памятники архитектуры, в огне пожаров гибли книги, население захватываемых земель подвергалось физическому истреблению. Прежде всего и больше всего страдали крестьяне, ремесленники, низшие слои жителей русских земель. Но враг не смог ни уничтожить, ни покорить русский народ. Несмотря на огромные силы завоевателей, их беспощадность и воинскую удачу, они везде встречали самоотверженное сопротивление. Все рассказы о нашествии монголо-татар на русские княжества повествуют о самоотверженной борьбе с ними и воинов и всего населения Руси.

Борьба эта не только имела значение для судеб Русской земли, но и сыграла огромную роль в общеевропейской истории. Ярко и образно охарактеризовал эту миссию русского народа А. С. Пушкин. Он писал: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабо-

ценную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

Непримиримое отношение к иноземным захватчикам дало возможность русскому народу перенести все испытания монголо-татарского нашествия и владычества и в конечном счете сбросить с себя тяжкое бремя ига.

Всей древнерусской литературе присущ высокий патриотизм. Но особенно сильно эта черта литературы Древней Руси проявилась в произведениях, посвященных борьбе с монголо-татарами. Рассказы о битве на реке Калке, о битвах русских с войсками Батыя в разных княжествах, под стенами древнерусских городов, о набегах ордынских войск на русские земли во время владычества Орды, о народных выступлениях против поработителей, о гибели русских князей в Орде дошли до нас и в виде кратких летописных записей, и в виде развернутых летописных повестей, и в виде самостоятельных повестей и сказаний.

В этой книге напечатаны четыре древнерусских литературных памятника, переведенные на современный русский язык: «Слово о гибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина».

Два первых произведения рассказывают о самом начале батыевщины, два других — о битве на Куликовом поле в 1380 году. В 1237 году, когда силы Батыя вторглись на Русь, первый удар грозного врага испытало на себе Рязанское княжество. Об этом и рассказывает «Повесть о разорении Рязани Батыем». После установления монголо-татарского ига на Руси, как уже отмечалось, вспыхивали отдельные восстания, происходили столкновения русских с посылаемыми в русские княжества из Золотой Орды военными отрядами. Но все эти выступления оканчивались победой Орды. И вот, в 1380 году, за сто лет до окончательного падения ордынского ига, на Куликовом поле произошла битва между многочисленной ратью монголо-татар, усиленной наемными отрядами из подчиненных Орде земель, и войском русских, в которое входили силы нескольких русских княжеств. Во главе монголо-татарских отрядов стоял темник (военачальник) Мамай, фактический правитель Золотой Орды в то время (он не мог быть ханом, так как не являлся потомком Чингисхана). Русское войско возглавлял великий князь московский Дмитрий Иванович, получивший после победы в этом сражении прозвище Донской. Как отмечал академик М. Н. Тихомиров, Куликовская битва являлась «крупнейшим военным предприятием, которое только видела Восточная Европа в XIV в.».

За два года до Куликовской битвы, в 1378 году, на реке Воже произошло сражение войск великого князя московского Дмитрия Ивановича с посланными на Русь отрядами Мамаея, окончившееся победой Москвы. Но битва на Воже не идет в сравнение по своим масштабам и значению с битвой на Куликовом поле. Это была своеобразная «разведка боем», которая показала возросшую мощь русских сил. И именно столкновение

на Воже побудило Мамай организовать поход на Русскую землю, завершившийся Куликовской битвой, получившей в народе также название Мамаева побоища. Это была первая большая победа русских над монголо-татарами. И хотя через два года, в 1382 году, в русские земли вторгся новый правитель Золотой Орды, хан Тохтамыш, была захвачена и разгромлена Москва, и хотя после этого еще целое столетие русские княжества вынуждены были платить Орде дань, Мамаево побоище 1380 года явилось поворотным моментом в борьбе русского народа с Ордой. Куликовская битва показала военную мощь русских войск, показала, что объединенные силы русских могут одолеть своего векового врага, возродила надежду на освобождение от иноземного владычества, утвердила главенствующее положение Москвы и великого князя московского среди остальных русских княжеств. И современниками, и в последующие времена Куликовская битва воспринималась как величайшее событие в русской истории. На Куликовом поле, говорит автор «Задонщины», «Русь великая одолела рать татарскую».

Мы остановимся более подробно на каждом из публикуемых в книге произведений. Но скажем сперва несколько слов о некоторых особенностях древнерусской книжности вообще. Это даст представление о специфике изучения древнерусской литературы и поможет лучшему пониманию ее современным читателем.

Литературные памятники Древней Руси дошли до нас в переписанных древнерусскими писцами списках, преимущественно в больших по объему рукописных сборниках. Некоторые из произведений сохранились в единственном списке или в очень небольшом количестве списков (в одном списке, например, сохранилось «Слово о полку Игореве»), другие же дошли до нас в многочисленных списках. Как правило, мы располагаем не только не авторским текстом того или иного сочинения, но списками с него, сделанными значительно позже времени создания памятника (эта разница исчисляется несколькими десятилетиями, а чаще столетиями). При этом между авторским (первоначальным) текстом произведения и сохранившимися списками его может лежать еще целый ряд не дошедших до нас списков — утерянных звеньев литературной истории памятника. А древнерусские переписчики рукописей это далеко не то же, что современные издатели книг. Издатель стремится точно издать текст, написанный писателем. В Древней же Руси каждый книгописец в определенной степени являлся соавтором переписываемого им текста: он изменял его, вносил в него свои добавления или, наоборот, что-то исключал из него. Поэтому большинство произведений древнерусской литературы дошло до нас в нескольких редакциях и вариантах. Редакциями принято называть такие виды текста одного и того же произведения, которые существенно отличаются между собой по своей идеологической направленности, стилистически, по составу (включение новых эпизодов, сокращения). Вариантами называются разновидности текстов внутри редакций. И чтобы составить представление о первоначаль-

чальном виде произведения, необходимо провести сравнительный анализ всех сохранившихся его редакций, вариантов и даже отдельных списков. Такая текстологическая работа, как видим, очень кропотливая, лежит в основе тех научных изданий древнерусских текстов, с которых сделаны переводы в этой книге.

Представления о патриотизме, долге, чести, героизме, человеческом достоинстве, о которых мы узнаем, читая напечатанные в этой книге произведения, так же близки и понятны нам, как они были понятны древнерусскому читателю. Но нельзя забывать, что от времени создания этих произведений нас отделяет много столетий и с точки зрения современного читателя целый ряд ситуаций, образов, выражений выглядит непривычно, странно. Очень часто мы встречаемся с упоминаниями бога, святых, со словами о чудесной помощи божественных сил русским воинам. Станным покажется и то, что победитель Мамаю, великий князь московский Дмитрий Иванович Донской, то и дело молится, проливает обильные слезы. Для своего времени все это являлось обязательными атрибутами литературного повествования. Это объяснялось и религиозным мировоззрением эпохи, и этикетностью древнерусской литературы. Под этикетностью следует понимать вот что: каждый персонаж в литературном произведении должен был вести себя согласно своему положению в обществе, как идеальный представитель своего класса: князь — как идеальный правитель и полководец, церковный деятель — как идеальный служитель бога и т. д. И в определенных ситуациях каждый персонаж повествования должен был поступать так, как того требовала этикетность этой ситуации. Этикетностью ситуаций и объясняются многочисленные молитвы Дмитрия Ивановича Донского и проливаемые им слезы.

Ф. Энгельс в статье «Крестьянская война в Германии» писал, что в эпоху средневековья «во всех областях умственной деятельности» должно быть отмечено «господство богословия», что являлось «необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя». Господством религиозной идеологии в средневековье и объясняется обилие в древнерусских литературных произведениях церковных образов, цитат из ветхозаветных и новозаветных текстов, многочисленных сравнений героев событий, о которых повествуют древнерусские писатели, с героями и событиями библейской истории.

Необходимо подчеркнуть и такое обстоятельство. Сравнивая и сопоставляя события русской истории с библейскими сюжетами и персонажами, древнерусские писатели тем самым стремились подчеркнуть величие и важность того, о чем писали они; факты русской истории становились в один ряд с фактами истории всемирной. Наконец, не нужно забывать и об отмеченной уже нами этикетности древнерусской литературы: очень многие церковно-религиозные ситуации и сопоставления — это общие места, литературные штампы.

И именно так должны воспринимать их мы, тем более, что так они уже воспринимались и в Древней Руси.

Древнерусские писатели не скупились употреблять эти церковно-религиозные штампы. Но мы без труда убедимся, читая помещенные в этой книге без сокращений и переделок памятники древнерусской литературы, что и древнерусские книжники прекрасно понимали реальную сущность происходивших событий. Действительными героями в борьбе Руси с монголо-татарскими захватчиками во время Батыева нашествия, во время героической победы над Мамаем на Куликовом поле выступают все русские люди, русские воины и русские полководцы. Победу на Куликовом поле Дмитрий Донской одержал не потому, что «помышлял лишь о царствии небесном», — как говорит автор «Сказания о Мамаевом побоище», — а потому, — что сумел объединить вокруг себя большинство русских княжеств, организовать сильное войско, тактически перехитрить врага. И обо всем этом мы узнаем из того же «Сказания». Слова о «небесных помыслах» великого князя московского, о его «смирренности» нужны автору для того, чтобы показать морально-этическое превосходство своего героя над предводителем вражеских сил, над изменниками, вступившими в союз с Мамаем. Эту особенность мировоззрения древнерусских авторов мы должны не забывать, когда мы читаем произведения, написанные больше чем 500 лет тому назад.



В двух списках одной из редакций «Жития Александра Невского» в виде предисловия к «Житию» дошло до нас «Слово о гибели Русской земли». Потому и сохранилось это «Слово», что было оно использовано неизвестным нам древнерусским книжником как предисловие к повествованию об Александре Невском. К сожалению, однако, для предисловия был взят лишь отрывок из более обширного, не дошедшего до нас полностью «Слова о гибели» — либо вступление, либо первая часть произведения, посвященного нашествию Батыя на Русь. Дело в том, что в произведениях древней и средневековой литературы, посвященных рассказу о бедствиях, обрушившихся на родину автора, как правило, приводилось восторженное описание былого могущества и былой славы родной земли. И вот в сохранившемся отрывке из «Слова о гибели Русской земли» до нас и дошла та часть его, в которой патетически описывалась природа Русской земли, ее государственное могущество.

Точных данных о времени написания «Слова о гибели» у нас нет, но можно бесспорно утверждать, что оно возникло не позже 1246 года, ибо об умершем в 1246 году князе Ярославe Всеволодовиче говорится как о живом. Вероятнее всего, «Слово» было написано сразу же после событий 1237 года.

«Слово о погибели Русской земли» отличается обостренным чувством патриотизма, лирическим отношением к природе, для него характерна гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина Владимира Мономаха. Всеми этими чертами, а также ритмической структурой текста, отдельными поэтическими образами «Слово о погибели Русской земли» напоминает «Слово о полку Игореве», хотя непосредственной зависимости между этими произведениями, скорее всего, нет.

Небольшое по объему, незавершенное, «Слово о погибели Русской земли» тем не менее фигурирует во всех книгах по истории древнерусской литературы, привлекает к себе неизменное внимание и русских и зарубежных исследователей, оно неоднократно издавалось. В чем же привлекательность этого небольшого произведения? Прежде всего в его поэтичности: неизвестный нам автор «Слова» сумел передать в скупых словах свою безграничную любовь к родной земле, описать ее красоту и величие. Этот памятник XIII столетия замечателен и тем, что он красноречиво свидетельствует об исключительно высоком искусстве владения словом русскими писателями того далекого времени.



«Повесть о разорении Рязани Батыем» донесла до нас яркое описание героической борьбы русского народа с полчищами Батыя. В этом произведении нашли отражение и фактические обстоятельства борьбы рязанцев с монголо-татарами, и эпическое осмысление этой трагической страницы русской истории, и та действительная политическая обстановка, которая сложилась во время вторжения войск Батыя на Русь в 1237 году. «Повесть» была создана спустя некоторое время после тех событий, о которых она рассказывает. Об этом свидетельствует эпическое объединение всех рязанских князей в единую богатырскую рать (они названы здесь братьями) и исторические ошибки (в числе участников сражения указаны князья, к 1237 году уже умершие, а среди погибших в битве 1237 года упоминаются князья, которые на самом деле умерли позже). Вместе с тем нельзя относить возникновение «Повести» ко времени значительно более позднему, чем Батыево нашествие. По мнению академика Д. С. Лихачева, «Повесть» была написана не позже середины XIV века. «За это говорит,— пишет он,— и самая острота переживания событий Батыева нашествия, не сглаженная и не смягченная еще временем, и ряд характерных деталей, которые могли быть памятны только ближайшим поколением».

Основной идейный пафос «Повести» можно выразить словами призыва, с которым великий князь рязанский Юрий Ингваревич (Игоревич) обращается ко всем остальным рязанским князьям и ко всем воинам, призывая их биться с врагами: «Лучше нам смертью вечную жизнь

приобрести, нежели быть в неволе у поганных». Завязка «Повести» показывает неизбежность именно такого призыва. Сначала рязанский князь пытается организовать совместное выступление русских князей против сил Батыя: он зовет на помощь великого князя владимирского Георгия Всеволодовича. Но великий князь владимирский не хочет помогать рязанцам, говоря, что он сам по себе будет бороться с Батыем. В этой обособленности действий, нежелании объединиться для совместной борьбы с врагом сказались феодальные раздоры князей: каждый думал только о себе (вспомним обстоятельства битвы на реке Калке!). Очень скоро после падения Рязани будет разгромлено Владимирское княжество, а князь Георгий Всеволодович погибнет в битве на реке Сити.

Не получив помощи от владимирского князя, великий князь рязанский пытается умиловить Батыя дарами. Мы не знаем, лежал ли в основе этого эпизода «Повести» реальный факт, но для сюжета произведения он очень важен: попытка умиловить врага, примириться с ним равнозначна полному и позорному подчинению ему. Единственный выход — бескомпромиссная борьба с захватчиками, несмотря на то что успеха на победу нет: враг настолько многочисленнее и сильнее, что одному рязанцу приходится биться с тысячей противников, а двум рязанцам — с десятью тысячами. Кульминационным эпизодом этой самоотверженной и героической борьбы является рассказ об Евпатии Коловрате. И по содержанию и по стилю этот эпизод «Повести» носит ярко выраженный эпический характер. Скорее всего, в основе его лежит устная народная песня о богатыре Евпатии Коловрате.

Ужас, который должны были испытывать люди, оставшиеся в живых после разгрома Рязанской земли, отражен в плаче рязанского князя Ингваря Ингваревича.

Заканчивается «Повесть» похвалой роду рязанских князей, в которой прославляется бывшее величие и слава Рязанской земли. Похвала эта заставляет особо остро почувствовать трагичность происшедшего. Но вместе с тем она вселяет надежду на будущее: рязанские князья погибли, но слава об их добродетелях, об их величии не умерла.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» рассказывала о трагической гибели и князей, и воинов, и жителей Рязани. Гибнет в бою и богатырь Евпатий вместе со своей богатырской дружиной. Однако звучание «Повести» оптимистично. Погибнув в неравном бою, рязанцы одержали духовную и моральную победу. Не случайно автор произведения вкладывает слова восхищения героизмом и мужеством Евпатия и его дружины в уста самого Батыя. «Повесть о разорении Рязани Батыем» говорила о невозможности примирения с захватчиками, призывала к самоотверженной борьбе с врагом. В этом ее глубокий патриотизм.

Патриотизм «Повести», ее героический пафос не могли не волновать древнерусских читателей, как они волнуют и современного читателя. О популярности произведения в средние века свидетельствует многочисленность дошедших до нас списков его и разнообразие редакций и ва-

риантов. Художественная сила «Повести» заключена в той искренности, с какой автор описывает героизм рязанцев, в том сочувствии, с каким он рассказывает о бедах Рязанской земли.



За полстолетия до тех событий, которым посвящены «Слово о погибели Русской земли» и «Повесть о разорении Рязани Батыем», прозвучал голос автора «Слова о полку Игореве». Сутью «Слова о полку Игореве», как метко определил К. Маркс, был «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ». Призыв этот не повлиял на русских князей, их внутренние раздоры в значительной мере способствовали успехам монголо-татар. Однако мысль о необходимости объединения разрозненных княжеств для борьбы с внешними врагами Русской земли не замирала и в годы владычества Орды.

И вот через 195 лет после неудачного похода новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев, воспетого в «Слове о полку Игореве», и через 143 года после вторжения на Русь полчищ Батыя на поле Куликовом великий князь московский нанес поражение силам Золотой Орды. Слава и величие Русской земли возрождались. И не случайно автор «Задонщины», наиболее поэтического и самого эмоционального произведения из всех памятников, посвященных Куликовской битве, обратился к «Слову о полку Игореве» как к образцу для своего сочинения. События Игоревы похода автор «Задонщины» ставил в один ряд с монголо-татарским нашествием на Русь. В поражении Игоря он видел начало тех бед Русской земли, которые она претерпела от восточных кочевых народов. Он тонко почувствовал пафос «Слова» — похвалу героизму и воинской доблести русских воинов и скорбь автора «Слова» о неурядицах русских князей, из-за которых русский народ терпит насилия половцев. И если автор «Слова» призывал князей к единению для борьбы с внешними врагами Руси, доказывая на примере Игоря, к чему приводят их разрозненные выступления, то автор «Задонщины» увидел в Куликовской битве как бы ответ на призыв автора «Слова о полку Игореве»: объединившись вокруг великого князя московского, русские князья сумели нанести сокрушительное поражение врагу.

«Задонщина» дошла до нас в шести списках. Самый ранний из них, датируемый 70-ми годами XV века, представляет собой сокращение и переработку первоначального текста, сделанную писцом этого списка, монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином (кстати говоря, только в этом списке употреблено название «Задонщина»). Остальные списки «Задонщины» датируются XVI—XVII веками. Два из них — краткие отрывки текста. Три остальных (в одном из них нет начала) передают текст произведения с искажениями и многочисленными ошиб-

ками. Поэтому приходится реконструировать текст произведения. Один из списков берется за основной и в его текст по другим спискам вносятся исправления ошибок, восполняются явные пропуски. По реконструкции текста «Задонщины» издается ее перевод и в этой книге.

Точных сведений о времени написания «Задонщины» нет. Характер памятника, в котором о многом говорится как о событиях, хорошо известных читателям и слушателям, дает основание считать, что он был написан в очень близкое к 1380 году время. Особенно убеждают в этом эмоциональность и непосредственность восприятия событий, характерные для «Задонщины».

В «Задонщине» перед нами не описание в хронологической последовательности событий Куликовской битвы, а выражение чувств автора, вызванных как этим событием вообще, так и отдельными эпизодами Куликовской эпопеи. Повествуя о настоящем, автор «Задонщины» вспоминает и далекое прошлое, его рассказ то забегает вперед, то возвращается назад. Все это создает и хронологическую и логическую непоследовательность текста произведения.

Сам автор «Задонщины» определил свое сочинение как «жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу». «Жалость» — это плач по погибшим на Куликовом поле, выраженный в плаче русских жен; «похвала» — слава мужеству и воинской доблести русских воинов.

«Задонщина» от начала и до конца перекликается со «Словом о полку Игореве». Но автор «Задонщины» не просто переписывает на свой лад текст источника, а творчески перерабатывает его. Текст «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» приобретает противоположный смысл, все меняется местами: торжество врагов Русской земли сменяется торжеством русских людей; теми выражениями, которыми в «Слове» описывались беды Руси, теперь, в «Задонщине», описываются беды захватчиков. Когда Игорь выступал в поход, то «солнце ему тьмою путь заграждало». А когда из Москвы выходит со своим войском Дмитрий Донской, то «солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает». Продвижение войск Игоря в Половецкую степь сопровождается грозными предзнаменованиями: «Уже беды его (Игоря.— Л. Д.) подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по яругам, орлы клетком зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты». В «Задонщине» же эти грозные предзнаменования относятся к силам Мамаея: «А уже гибель их (татар.— Л. Д.) подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуя», и т. п.

Такое противопоставление «Задонщины» «Слову о полку Игореве» имело глубокий смысл: Куликовская битва представляла перед читателем не только как великое событие 80-х годов XIV века, но и как событие, имевшее решающее значение в многовековой истории Русской

земли. Беды, постигшие Русь после поражения Игоря на Каяле и после поражения русских князей на Калке (а Каяла и Калка названы в самом начале «Задонщины»), окончились на Куликовом поле.



«Задонщина» была лирическим откликом на Куликовскую битву. обстоятельным рассказом о сражении на Куликовом поле явилось «Сказание о Мамаевом побоище».

«Сказание о Мамаевом побоище» — один из популярнейших древнерусских литературных памятников. До нас дошло огромное число списков «Сказания», оно переписывалось и перерабатывалось вплоть до конца XVIII века, а самые ранние сохранившиеся списки его датируются XVI столетием. Все эти многочисленные списки делятся на несколько редакций и вариантов. Ниже, говоря о «Сказании», мы будем иметь в виду так называемую Основную редакцию произведения, к которой восходят все остальные редакции. В этой книге печатается перевод одного из вариантов Основной редакции «Сказания».

Время создания «Сказания» неизвестно, и все существующие на этот счет точки зрения носят предположительный характер. Наиболее вероятной представляется датировка «Сказания» первой четвертью XV века.

Целый ряд подробностей об обстоятельствах Куликовской битвы мы знаем только из «Сказания». Только в «Сказании» рассказывается о действиях засадного полка. Полк этот, которым командовал двоюродный брат Дмитрия Донского, князь серпуховской Владимир Андреевич, перед сражением укрылся в засаде. В кульминационный момент битвы, когда перевес был на стороне Мамаея, засадный полк ударил в тыл и фланг неприятеля, что и решило исход сражения. Автор «Сказания» вкладывает в уста татар характеристику и оценку этого военного маневра русских: «Увы, увy нам! Перехитрили нас русские — молодые с нами бились, а опытные воины остались все целыми, утаившись в дубраве!» И вот что примечательно. Знает о подвиге засадного полка во главе с Владимиром Андреевичем и автор «Задонщины», но он сообщает об этом так, что без данных «Сказания» мы не смогли бы догадаться, какое конкретное событие имеет в виду фраза «Задонщины»: «И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич, врезался со своей ратью в полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские». «Задонщина», таким образом, подтверждает достоверность подробного рассказа «Сказания», а «Сказание», в свою очередь, дает возможность раскрыть более полно смысл не всегда ясных для нас свидетельств «Задонщины».

Наряду с исторически достоверными сведениями — рассказ о действиях засадного полка, перечисление посланных «сторож» в поле, сообщение о том, что в одежде великого князя и под великокняжеским

знаменем во время боя находился воевода Михаил Бренков, а князь в воинском одеянии бился в первых рядах и был контужен и т. д., — ряд эпизодов, в основе которых также лежат действительные факты, переданы в «Сказании» в легендарно-эпическом осмыслении. В «Сказании» много внимания уделено иноку-богатырю Пересвету. Мы узнаем, что на Куликово поле он пошел из Троицкого монастыря вместе со своим братом Ослябей. Описанием его единоборства с татарским богатырем начинается повествование о битве. Образ Пересвета и характер рассказа о нем носят эпическую окраску, но за этим, вне всякого сомнения, лежат реальные события. О Пересвете и о его героизме узнаем мы и из «Задонщины», в летописных повестях о Мамаевом побоище Пересвет назван в числе погибших воинов. Легендарно-эпический характер носит эпизод испытания примет в ночь накануне боя воеводой Дмитрием Волынцем. Но едва ли можно сомневаться, что в основе его лежит реальный факт — ночная разведка накануне боя.

Ряд эпизодов «Сказания», в соответствии с мировоззрением того времени и требованиями литературного этикета, о котором мы говорили выше, носят фантастически-вымышленный характер. Таков, например, рассказ о ночном видении бывшего разбойника Фомы. Находясь в ночном дозоре, он будто бы видит, как на Куликово поле по воздуху идут, чтобы помочь русским, небесные воинские силы, во главе которых выступают святые Борис и Глеб.

В двух случаях в «Сказании» перед нами явный анахронизм — историческое несоответствие: союзником Мамаю назван литовский князь Ольгерд, участником событий 1380 года изображен митрополит Киприан (великий князь советуется с ним, Киприан благословляет поход). На самом же деле этого не могло быть: Ольгерд, великий князь литовский, умер в 1377 году и в союзе с Мамаем выступал его сын Ягайло. Митрополит Киприан в 1380 году находился в Киеве, а великий князь московский в это время не признавал его права на митрополичий стол в Москве и призвал его в Москву лишь в 1381 году. В некоторых редакциях «Сказания» литовский союзник Мамаю назван исторически верно — Ягайлом, но это поздняя поправка — в первоначальном виде «Сказания» литовский князь назывался Ольгердом. Чем же объясняются эти анахронизмы?

В данном случае перед нами сознательный литературный прием, заострявший публицистическую направленность произведения. И смысл он имел именно только в том случае, если произведение писалось в не слишком отдаленное от 1380 года время. Ольгерд был давним и опасным врагом Москвы, он несколько раз предпринимал походы на Московское княжество, и имя этого врага Москвы, опытного воина и мудрого полководца, было хорошо известно на Руси. Называя Ольгерда союзником Мамаю и изображая его нерасторопным и даже трусливым (он действует не по собственному расчету, а по совету Олега Рязанского, не успевает вовремя прийти к месту битвы, а узнав о победе мос-

ковского князя, возвращается назад), автор «Сказания» тем самым еще ярче подчеркивал величие Куликовской победы: поражение терпит не только Мамай, но и другой враг Москвы — Ольгерд Литовский.

Глубокий идейный смысл имело и упоминание имени митрополита Киприана. Единение и полное согласие великого князя и митрополита для того времени представлялось очень важным в политическом отношении — митрополит был главой церкви всех русских княжеств, — свидетельствовало о мудрости и государственной мощи великого князя. А автор «Сказания» стремился нарисовать идеальный образ великого князя московского и как воина и как государственного деятеля.

«Сказание о Мамаевом побоище» привлекало внимание читателей подробным рассказом обо всех событиях 1380 года: здесь повествовалось о тайных переговорах с Мамаем рязанского и литовского князей, о сборах войск, их походе на Куликово поле, о самом сражении и о дальнейшей судьбе Мамаю, Олега Рязанского и Ольгерда Литовского, о возвращении воинов с поля брани. Оно должно было вызывать интерес и сюжетностью повествования. И перипетии Куликовской эпопеи, и судьба многочисленных участников ее заставляли читателя с напряжением следить за развитием сюжета. И в поздних редакциях «Сказания» первоначальные эпизоды усложняются, добавляются новые увлекательные подробности. Так, например, в Основной редакции только говорится о том, что московский князь послал с дарами к Мамаю посла Захария Тютчева. В Распространенной же редакции, возникшей позже Основной и дополненной целым рядом новых подробностей и новыми эпизодами, вставлен большой, сказочный по своему характеру рассказ об этом посольстве к Мамаю. Посол московского князя обманывает Мамаю и приводит к великому князю московскому Мамаевых вельмож. В этой же редакции вставлен большой рассказ о помощи Дмитрию Донскому новгородцев, в основе которого, как полагают некоторые исследователи, лежит эпическая историческая песня об участии новгородцев в битве с Мамаем. Многими подробностями в различных редакциях и вариантах обрастает рассказ о поединке Пересвета с татарским богатырем. Самые разнообразные дополнения, изменения, сокращения присущи не только для разных редакций и вариантов памятника, но часто встречаются только в единичных списках «Сказания».

Различные произведения Куликовского цикла (так принято называть памятники, посвященные Куликовской битве) за время своей длительной литературной жизни влияли друг на друга. Уже в первоначальном, авторском тексте «Сказания о Мамаевом побоище» имелись вставки из «Задонщины». В поздних вариантах и редакциях «Сказания» появляются новые заимствования из этого памятника Куликовского цикла. Имело место и обратное явление — в некоторых списках «Задонщины» могут быть отмечены вставки из «Сказания». То же самое можно сказать и о входящих в Куликовский цикл летописных повестях о Мамаевом побоище.

Разнообразие редакций «Сказания», обилие вариантов внутри редакций свидетельствует о том, что древнерусские книжники переписывали его не безучастно, а стремились пополнить это повествование о Куликовской битве известными им подробностями, раскрасить новыми деталями особенно взволновавшие их эпизоды.



В 1980 году исполняется 600-летие Куликовской битвы. Но в 80-е годы нынешнего века можно отмечать еще более славный юбилей — 1000-летие русской литературы. Первые семь веков этого тысячелетия принадлежат литературе древнерусской. Почетное место среди произведений, созданных за этот длительный период, занимают памятники, созданные в годы монголо-татарского ига на Руси. Они призывали к борьбе за независимость, воспевали храбрость и самоотверженность русских людей, сопротивлявшихся гнету иноземных захватчиков, воспитывали чувство патриотизма. Несмотря на все бедствия, которые перенесла русская книжность в этот тяжелый период русской истории, до нас дошло от этого времени немало и летописных повестей и сочинений других жанров. Но печатаемые в этой книге «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» примечательны не только тем, что именно в них отразилось начало монголо-татарского завоевания и первая большая победа Руси над иноземными завоевателями. Это наиболее интересные и совершенные в литературном отношении памятники древнерусской литературы.

Л. А. Дмитриев





СЛОВО О ПОГИБЕЛИ
РУССКОЙ ЗЕМЛИ







Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава

СВЕТЛО светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местнотимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отселе до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все с помощью божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы пугали своих малых деток. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а угры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покори́л, а немцы радовались, что они далеко — за Синим морем. Буртасы, черемисы, вьда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни — от великого Ярослава и до Владимира и до нынешнего Ярослава и до брата его Юрия, князя владимирского, — обрушилась беда на христиан...





ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ
РЯЗАНИ БАТЫЕМ





ГОД 6745(1237). Через двенадцать лет после того, как была принесена из Корсуни чудотворная икона Николы, пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал станом на реке на Воронеже, близ Рязанской земли. И прислал Батый в Рязань, к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, послов бессовестных, требуя десятую часть от всего: от князей, от всех людей,— и так во всем.

Услыхал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о приходе безбожного царя Батые и тотчас послал гонца в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у Георгия Всеволодовича помощи на безбожного царя Батые или чтобы он сам пошел на него. Но князь великий Георгий Всеволодович Владимирский сам не пошел да и помощи не послал, так как сам по себе хотел сразиться с Батыем.

Великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, услышав, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, поскорее послал за братьями своими: и за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями послал. И решили они, что нечестивого нужно умиловать дарами. И отправил Юрий Ингваревич сына своего, князя Федора Юрьевича Рязанского, к безбожному царю Батыю с дарами и молением великим, чтобы Батый не воевал Рязанскую землю.

Князь Федор Юрьевич пришел на реку на Воронеж к царю Батыю и принес ему дары, и молил царя, чтобы тот не воевал Рязанской земли. Безбожный царь Батый, лстивый и немилосердный, принял дары и лживо обещал, что Рязанскую землю воевать не будет. А сам ярился-хвалился всю Русскую землю повоевать.

И начал Батый просить у рязанских князей, чтобы они прислали ему в наложниц своих дочерей или сестер. Тогда один из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Рязанского. Он сказал ему, что у князя княгиня из царского рода и прекрасна собой.

Царь Батый, лукавый и немилостивый в неверии своем, охваченный похотью своею, сказал князю Федору Юрьевичу:

— Дай мне, княже, увидеть жены твоей красоту.

Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский, усмехнувшись, ответил царю:

— Не пристало нам, христианам, тебе, нечестивому царю, водить жен своих на блуд. Вот если нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть начнешь.

Безбожный царь Батый разъярился, и ожесточился, и повелел без промедления убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить зверям и птицам на растерзание. И других князей и лучших воинов поубивал.

А один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, утаился и горько плакал, глядя на благородное тело честного господина своего. И, увидев, что никто не охраняет его, взял он возлюбленного своего государя и тайно его схоронил. И поспешил он к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем, держа на руках любимого сыночка своего, князя Ивана

Федоровича. И как услышала она такую скорбную весть, горести преисполненную, то сразу же ринулась с высоты терема своего с сыном своим князем Иваном на землю и разбилась насмерть.

И когда услышал великий князь Юрий Ингваревич о том, что убит возлюбленный сын его, князь Федор, и другие князья и многие лучшие люди перебиты безбожным царем, то начал он с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей оплакивать их. И весь город на долгое время предался плачу. И едва великий князь отдохнул от великого того плача и рыдания, как стал собирать войнство свое и готовить его к бою. И, увидев братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно собирающихся на битву, князь великий Юрий Ингваревич простер руки к небу, прослезился и сказал:

— Избавь нас от врагов наших, боже, и от поднимающихся на нас избавь нас, и спаси нас от сонма лукавых и от множества творящих беззаконие. Пусть будет путь их темен и скользок.

И сказал он братии своей:

— О государи и братия моя, если мы из рук господних благое получали, то неужели злого не вытерпим? Лучше нам смертью вечную жизнь приобрести, нежели быть в неволе у поганных! Я, брат ваш, первым из вас выпью чашу смертную за святые божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего, великого князя Ингваря Святославича.

И пошел он в церковь пресвятой владычицы богородицы, честного ее Успения. И пролил обильные слезы пред образом пречистой богородицы и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславне, и принял благословение от епископа и от всех священнослужителей.

И выступили рязанцы против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ Рязанского княжества. И напали на него, и стали биться крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много пало сильных полков Батыя, и царь Батый, увидев, как крепко и мужественно бьются рязанские воины, испугался. Но разве против гнева божьего можно устоять?! Ведь силы Батыя были велики и неодолимы: один рязанец бился с тысячью, а двое с десятью тысячами.

Увидел князь великий гибель брата своего князя Давыда Ингваревича и воскликнул:

— О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, прежде нас чашу испил, так неужели и мы этой чаши не изопьем!





И пересели с утомленных коней на свежих и начали биться еще крепче. Проезжая из конца в конец бесчисленные и сильные полки Батые, рязанцы храбро и мужественно бились, так что все полки татарские удивлялись крепости и мужеству рязанских воинов. И едва одолели их сильные полки татарские.

Тут убиты были: благоверный князь великий Георгий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский, и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство храброе — удалыцы и резвецы рязанские. Все, как один, умерли и единую чашу смертную испили! Ни один из них не оставил поля битвы — все вместе мертвыми лежат.

Эту беду навел на нас бог грехов ради наших. А князя Олега Ингваревича взяли в плен еле живым.

Царь же, увидев, что много силы воинской у него пало, стал сильно скорбеть и ужасаться тому, сколько побито татар. И начал он воевать Рязанскую землю, веля бить, сечь и жечь без милости. И город Пронск, и город Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей перебил немилосердно. И текла кровь христианская, как река многоводная, ради грехов наших.

Царь Батый увидел прекрасного и храброго князя Олега Ингваревича изнемогающим от тяжелых ран, и захотел он его вылечить от тех ран великих и обратить в свою веру. Князь же Олег Ингваревич посмеялся над царем Батыем и назвал его безбожником и врагом христианства. Окаянный Батый, воспылав гневом в мерзком сердце своем, тотчас повелел Олега ножами на куски разрубить. Это — второй страсто-терпец Стефан, и принял он венец своего страдания от всемилостивого бога, и испил чашу смертную равно со всей своею братиею.

Окаянный царь Батый начал завоевывать Рязанскую землю и пошел к городу Рязани. И осадили враги город, и бились неотступно пять дней. Батиево войско все время переменялось, а горожане сражались без перемены. И многих горожан убили, многие были ранены, а многие от великих трудов совсем обессилели. И вот на шестой день, рано утром, подступили поганые к городским стенам, одни с зажигательными орудиями, другие с пороками, а иные с тысячами осадных лестниц, и взяли город Рязань в 21-й день месяца декабря.

Ворвались они в соборную церковь пресвятой Богородицы и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, вместе со снохами ее и с прочими княгинями порубили мечами, а епископа и всех священников огню предали, сжегши их в святой церкви, а множество других погибли



от оружия. А в самом городе бесчисленное множество мужчин, и женщин, и детей мечами были посечены, а других в реке потопили, а людей церковного чина и иноков до последнего перебили, и весь город сожгли, и все узорочье прославленное — богатство рязанское и сродников рязанских князей, киевское и черниговское, — захватили, и храмы божии разорили, и во святых алтарях много крови пролили.

И не осталось в городе ни одного живого: все, как один, погибли и все единую чашу смертную испили. И не было в городе ни стона, ни плача: ни отец и ни мать детей не оплакивали, ни дети отца или мать, ни брат брата, ни ближние родственников своих — все вместе мертвыми лежали. Это все свершилось за грехи наши.

Безбожный царь Батый, видев столь великое пролитие крови христианской, еще пуще разъярился и ожесточился и пошел на города Суздаль и Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

А в это время некий из вельмож рязанских, по имени Евпатий Коловрат, был в Чернигове вместе с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал он о приходе зловерного царя Батыя, и поспешил он из Чернигова с небольшой дружиной, и гнал во всю мочь. И приехал он в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшей: города разорены, церкви сожжены, люди побиты. И пригнал он в город Рязань, и видит: город разорен, князья побиты и множество народа повсюду лежит — одни побиты и посечены, другие сожжены, а иные в реке потоплены. И вскричал Евпатий в горести души своей, и воспылил гневом в сердце своем.

Собрал он небольшую дружину в тысячу семьсот человек, которых бог сохранил, — были они вне города. И погнались они вслед за безбожным царем, и едва настигли его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и привели в смятение все полки татарские, так что татары стали будто пьяные или безумные. Евпатий так беспощадно бил их, что даже мечи притупились, тогда взяли татарские мечи и ими стали разить врага. Татары решили, что это мертвые восстали. Евпатий же, великие татарские полки из конца в конец проезжая, избивал их беспощадно. И скакал он по татарским полкам столь храбро и мужественно, что даже сам царь испугался.

И едва смогли схватить из полка Евпатыева пятерых воинов, обессиленных от жестоких ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый начал их спрашивать:

— Какой вы веры и из какой земли и почему так много зла мне творите?

Они же отвечали:

— Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а из полка Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского, чтобы тебя, сильного царя, почтить и с честью проводить и честь тебе воздать. Только не обижайся, царь: не успеваем мы наливать чаш на такую великую силу — рать татарскую.

Подивился царь ответу их мудрому. И послал он шурича своего Хостоврула с сильными полками татарскими на Евпатия. Хостоврул же похвалился царю, что приведет ему Евпатия живым. И обступили сильные полки татарские Евпатия, чтобы его живым захватить, и Хостоврул съехался с Евпатием. Евпатий же, богатырь силой, разрубил Хостоврула надвое до седла и начал беспощадно сечь силу татарскую, и многих тут он прославленных богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекая, а других до седла надвое разрубая.

Перепугались татары, видя, сколь могуч исполин Евпатий. И нацелили они на него множество пороков, и стали бить в него из многочисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его пред царя Батыя. Царь Батый послал за мурзами, и за князьями, и за санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству рязанского воинства. И сказали мурзы, князья и санчакбеи царю:

— Мы со многими царями во многих землях и во многих сражениях бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши о таких не рассказывали нам. Ведь они словно люди крылатые и бессмертные: так крепко и мужественно на конях бьются один с тысячью, а два — с десятью тысячами. И ни один из них живым не покинул поля брани.

А царь Батый сказал, глядя на тело Евпатия:

— О Коловрат Евпатий! Щедро ты меня попотчевал со своею малою дружиной, и многих богатырей могучей орды побил ты, и много полков моих от тебя пало. Если бы у меня такой служил, держал бы я его около сердца своего.

И отдал он тело Евпатия уцелевшим воинам из его дружины, которые были схвачены в битве. И велел их царь отпустить, не делая им никакого вреда.

Князь Ингварь Ингваревич в это время был в Чернигове у брата своего, князя Михаила Всеволодовича Черниговского; и был он богом сохранен от злого того преступника и врага христианского. И пришел он из Чернигова в землю Рязанскую, в отчину свою, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым законопреступником





Хостоврул. Перепугались татары,



ВИДЯ, СКОЛЬ МОГУЧ ИСПОЛИН **С**ВПАТИЙ.

царем Батыем. И пришел он в город Рязань и увидал, что город разрушен, а мать его, и снохи его, и сродники его, и многое множество других людей лежат мертвыми, и Рязань разграблена, церкви сожжены и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято.

И, увидев великую конечную погибель, свершившуюся за грехи наши, жалостно вскричал князь Ингварь Ингваревич, как ратная труба, зовущая в бой, как орган, сладостно звучащий. И от великого крика и вопля страшного пал на землю как мертвый. И едва отлили его и привели в чувство на ветру, и едва отошла душа его в нем.

Да и кто не восплачется от такой погибели, кто не возрыдает о гибели столь большого числа народа православного, кто не сжалится о стольких побитых великих государях, кто не восстает о таком количестве плененных?!

Князь Ингварь Ингваревич разобрал трупы мертвых и нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславны, и снох своих. И призвал он попов из сел, которых бог уберег, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и церковных песнопений. И горестно кричал он и рыдал. И всех остальных мертвых похоронил, и очистил город, и освятил его. И собралось немного уцелевших людей, и, как смог, утешил он их. И, беспрестанно плача, поминал он мать свою, и братию свою, и родичей своих, и все достоянье рязанское, безвременно погибшее. Обрушилась напасть эта на нас ради грехов наших.

И вот города Рязани и земли Рязанской кончилось благополучие, и минула слава их, и ничего не сохранилось в них — только дым и пепел, а церкви все сгорели, а великая церковь внутри выгорела и почернела. И не только один этот город был захвачен, но и много других. И не было в городе ни пения церковного, ни звона, и вместо радости плач непрерывный.

Князь Ингварь Ингваревич пошел туда, где были побиты братья его нечестивым царем Батыем: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и множество князей местных, и бояр, и воевод, и все воинство, удалцы и резвцы — краса рязанская. Лежали все они на голой земле, на ковыль-траве, на снегу и льду померзшие, никем не оберегаемые: звери тела их погрызли и бесчисленные птицы растерзали. Все лежали они, вместе погибшие, испив общую чашу смертную.

И когда увидал князь Ингварь Ингваревич великое множество мертвых трупов лежащих, то горько закричал он громким голосом, словно



труба вострубившая, и ударял себя руками в грудь, и бился о землю, слезы же из очей его ручьями текли. И вскричал он жалостно:

— О милая моя братия и повелители мои! Как же это умерли вы, мои дорогие, а меня одного оставили в таковой гибели? Почему я раньше вас не умер? Куда скрылись вы от очей моих, куда ушли сокровища жизни моей? Почему не отвечаете вы мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои еще не созревшие? Больше уже не подадите сладости душе моей! Почему, повелители мои, не поглядите на меня, брата вашего, не поговорите со мною? Неужели забыли вы меня, брата своего, от одного с вами отца родившегося и матерью нашей, великой княгиней Агриппиной Ростиславной, выношенного под сердцем своим и, как все вы — сад многоплодный, вскормленного грудью ее? На кого же оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяцы прекрасные, недолго светившие, звезды восточные, почему вы так рано закатились?! Лежите на земле голой, никем не оберегаемые, чести-славы ни от кого не получив! Пременилась слава ваша. Где власть ваша? Многим землям были вы повелителями, а ныне лежите на земле голой, и облик ваш изменился от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюсь я с вами! Святильники мои дорогие, зачем потухли вы? Не долго радовался я с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь о мне, о брате вашем, да умру и я вместе с вами. Уже ведь вместо веселия плач и слезы пришли ко мне, а вместо утехи и радости сетование и скорбь явились мне! Почему я раньше вас не умер, чтобы не видеть мне смерти вашей, а своей гибели. Неужели не слышите вы скорбных моих слов, с жалостью изливаемых? О земля, о земля, о дубравы, поплачьте со мною! Как мне назвать день тот или как записать его, в который погибло столько господарей и так много красоты рязанской — храбрых удалцов? Ни один из них не вернулся, но все, как один, умерли и единую чашу смертную испили! Ведь в горести души моей язык мой немеет, уста закрываются, взор мутнеет, сила уходит.

И было тогда много горя, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех злодеев, напавших на нас. Великий князь Ингварь Ингваревич, простерев руки к небу, со слезами воскликнул:

— Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех преследующих избавь меня. Пречистая владычица, родившая Христа, бога нашего, не оставь меня во время печали моей. Великие страстотерпцы, сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия моя и повелители, помогайте мне святыми своими





Ни один из них не вернулся, но все, как один,



УМЕРЛИ И ЕДИНУЮ ЧАШУ СМЕРТНУЮ ИСПИЛИ!

молитвами в борьбе с супостатами нашими — с агарянами и потомками измаильтян.

Князь Ингварь Ингваревич начал разбирать трупы мертвых, и взял тела братьев своих — и великого князя Георгия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и иных князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних людей, и принес их в город Рязань, и похоронил их с честью. А остальных тут, на пустом месте, собрал и надгробное пение над ними свершил.

И, похоронив всех, князь Ингварь Ингваревич пошел к городу Пронску, и, собрав разрубленные части тела брата своего благоверного и христоролюбивого князя Олега Ингваревича, понес его в город Рязань, а честную голову его сам князь великий Ингварь Ингваревич до города нес, и, целовав ее с любовью, положил Олега Ингваревича в одну гробницу с великим князем Юрием Ингваревичем. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил рядом с их могилой тоже в одной гробнице.

После этого пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где был убит князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял он честное тело его, и плакал над ним долго. И принес он его во владенья его, к иконе великого чудотворца Николы Корсунского. И похоронил его, и его благоверную княгиню Евпраксию, и сына их, князя Ивана Федоровича Постника, в едином месте. И поставил над ними каменные кресты.

И потому называется икона великого чудотворца Николы Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим, князем Иваном, сама себя «заразила» — разбилась о землю.

Рязанские князья ведут свой род от Владимира Святославича, отца Бориса и Глеба, внучата они великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они христоролюбивые, братолюбивые, обликом красивые, с ясными очами, величественным взором, сверх меры храбры, сердцем отходчивы, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церкви прилежны, на пиrowанье щедры, охотничьи забавы любили, в ратном деле отменно искусны, с братией своей и с послами их величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную соблюдали. Они святого корня побegi, и богом насаженного сада цветы прекрасные. Воспитаны были в благочестии со всяким наказанием духовным. От самых пеленок бога возлюбили. О церквах божиих сильно заботились, пустыми разговорами не занимались, от злонравных людей отстранялись, а с благими всегда были рады

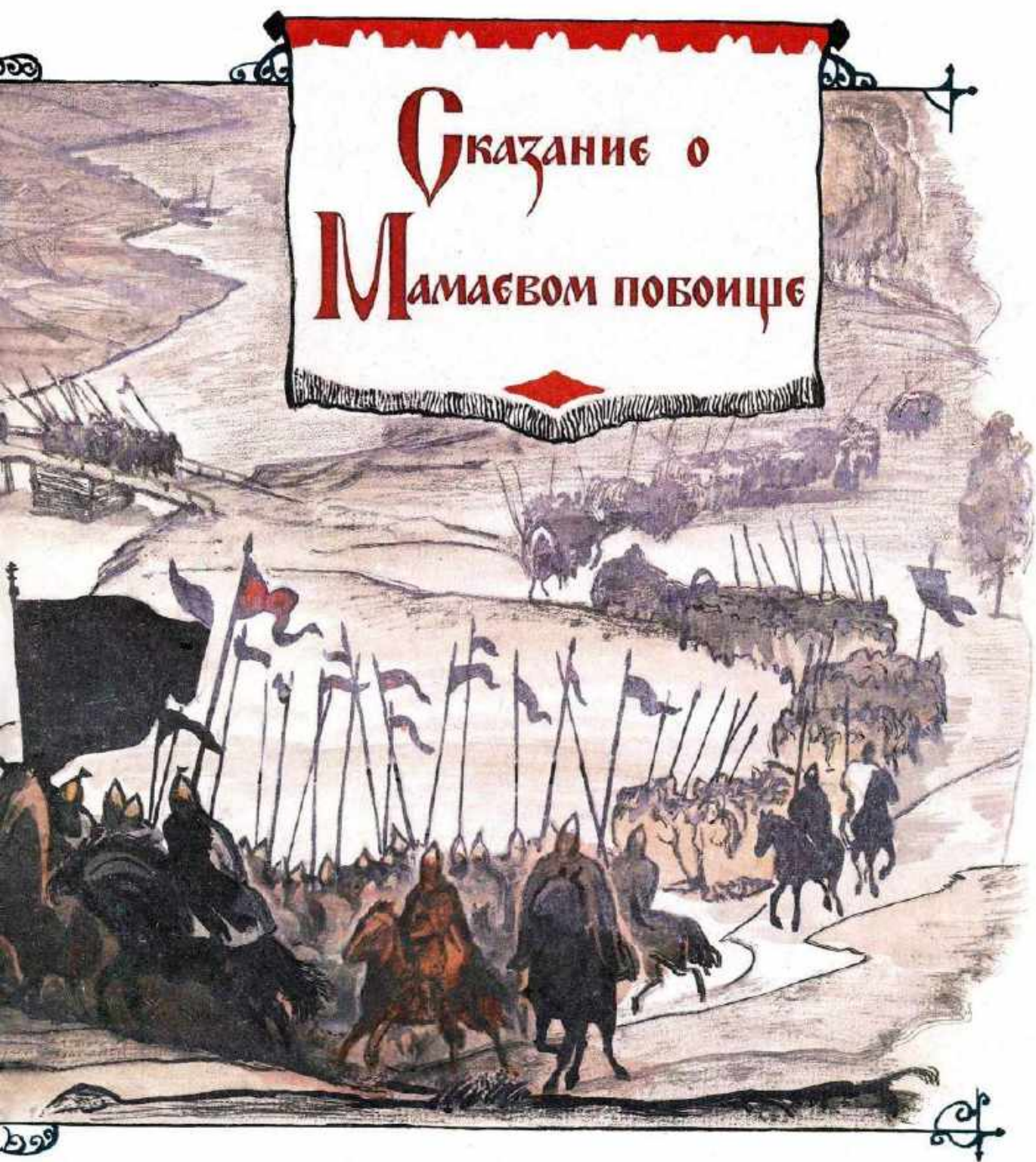
беседовать, божественному писанию всегда с умилением внимали. Противникам своим в сражениях грозны были, многих врагов, выступавших против них, побеждали, и во всех странах было славно имя их. С греческими царями в великой любви жили и много даров от них получали. И в браке целомудрие соблюдали, не забывая о своем спасении. С чистой совестью и твердым разумом держали земное царствование и к небесному приближались. Плотским соблазнам не поддавались, храня чистоту, и после брака греху не предавались. Государский сан блюли, но о посте и молитве не забывали и кресты на себе носили. Честь и славу от всего мира имели, а в святые дни святой пост строго соблюдали и во все посты причащались святых пречистых бессмертных тайн. И много трудов приложили, и побед одержали много за правую веру. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и за православную веру. А отчину свою от супостатов крепко и неустанно хранили. А милостину неоскудно подавали и лаской своей многих из неверных царей, детей их и братьев к себе принимали и в веру истинную обращали.

Благоверный князь Ингварь Ингваревич, нареченный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего, великого князя Ингваря Святославича. И обновил он землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И рады были те христиане, которых бог избавил рукою своею крепкою от безбожного зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отчине его отца.





Сказание о
Мамаевом побоище





Н АЧНЕМ, братья, повесть о новой ратной победе православных христиан над безбожными агарянами, которая свершилась на Дону. Расскажем о том, как одержали верх христиане, а поганые были уничтожены и посрамилась их гордость так же, как когда-то победил Гедеон мадиамлян и Моисей — фараона. Прославим величие божие, расскажем, как господь исполнил желание боящихся его и пособил великому князю Дмитрию Ивановичу одолеть безбожных татар.

По божью попущению и дьявольскому наваждению поднялся на нас с восточной стороны царь Мамай, верою язычник, идолопоклонник и иконоборец, злой враг христиан. Вселился в сердце его дьявол и подучил его, как сокрушить веру христианскую, осквернить святые церкви и истребить всех христиан, чтобы не славилось имя господне среди людей. Но что господь захочет, то и будет.

Овладел безбожным царем Мамаем дьявол, и захотел Мамай сравняться со злодеем Батыем и вероотступником Юлианом. И стал выпрашивать он у старых татар, как Батый полонил Русскую землю и чем кончилось его нашествие. Обо всем рассказали старики ему: как захватил Батый Киев и Владимир, как покорил всю Русскую землю, как убил князя Юрия и Василия и перебил еще многих православных князей, как златоверхую церковь разграбил.

И помрачился разумом Мамай, и не уразумел он того, что все свершается лишь по господнему изволению. Когда-то в древности и Иерусалим пленен был Навуходоносором, царем вавилонским, за ослабление веры. Но не до конца гневается господь, не вечно карает.

Выслушав рассказы своих старых татар, безбожный царь Мамай заторопился и, подстрекаемый дьяволом, стал еще больше яриться на христиан. Начал он говорить своим приближенным, полководцам, князьям и воеводам, кому что делать, а про себя думал:

«Подобно Батыю пойду на Русь, и убью князя их, и в самом красивом городе, который мне приглянется, останусь, и буду владеть русским народом, и заживу тихо и безмятежно».

А не знает того, что над всем рука господня.

Вскоре переправился Мамай через великую реку Волгу со всеми силами своими и к своим силам присоединил воинов из других орд, обещая всем, что скоро обогатеют они русским золотом.

И пошел он на Русь, как лев рыкая и как неуголимая ехидна шипя. А когда дошел он до устья реки Воронежи, то остановился здесь станом. И заповедал он всем отрядам своим, чтобы никто не заготовливал хлебов впрок, говоря:

— Будьте готовы на русские хлеба!

Узнал рязанский князь Олег, что царь Мамай с войском вышел в поле и собирается пойти на великого князя Дмитрия Ивановича Московского, и отправил Олег своего посла к царю Мамаю с многочисленными дарами. И послал он ему грамоту, в которой писал:

«Восточному царю, вольному Мамаю! Твой верный слуга, тобою на княжение посаженный, Олег Рязанский, к твоей милости прибегает! Слышал я, господин, что ты хочешь идти на Русь, на слугу своего князя Дмитрия Ивановича Московского, и наказать его. Сейчас, господин мой светлейший царь, как раз время пришло: золота и всякого богатства на Москве много. А князь Дмитрий богобоязливый человек, и как услышит о твоём гневе, то, царь, убежит он в Великий Новгород или на Северную Двину, а все московское богатство достанется

тебе и твоему великому войску. Меня же, раба твоего Олега Рязанского, пощади, всесильный царь, а я твоим царским именем утрашу Русь и князя Дмитрия Ивановича Московского. И это, царь, еще не все: когда, обиженный им, хотел я пригрозить ему от имени твоего царского, то ни во что он это посчитал. Ко всему этому он еще и город Коломну у меня отобрал. Заступись, царь, молю тебя!»

А второго гонца послал князь Олег Рязанский со своим посланием к великому князю Ольгерду Литовскому:

«С радостью пишу тебе! Давно я слыхал, что хочешь ты изгнать московского князя Дмитрия и завладеть Москвою. Ныне приспело наше время, так как идет на него великий царь Мамай с силою своею. Давай соединимся с этим царем. Уверен я, что царь даст тебе Москву и оставит твои города за тобою, а мне царь отдаст Коломну, и Владимир, и Муром. Я уже отправил посла своего к царю Мамаю с великой честью и дарами многими. А ты тоже пошли посла своего со своими дарами и напиши ему, а о чем — знаешь сам лучше меня!»

Прочитал это послание Ольгерд и, уразумев слова Олега, сильно обрадовался тому, как восхвалял царя Мамаю Олег Рязанский. И, не мешкая, послал Ольгерд посла своего к царю Мамаю с великими дарами.

И думали про себя Олег Рязанский и Ольгерд Литовский:

«Когда московский великий князь Дмитрий Иванович услышит, что мы вступили в союз с Мамаем, то убежит из Москвы. А мы завладеем Москвою и Коломною. А когда придет царь, мы встретим его с великими дарами и умиловим его, и он возвратится назад, а мы Московское княжество, по цареву повелению, разделим между собой».

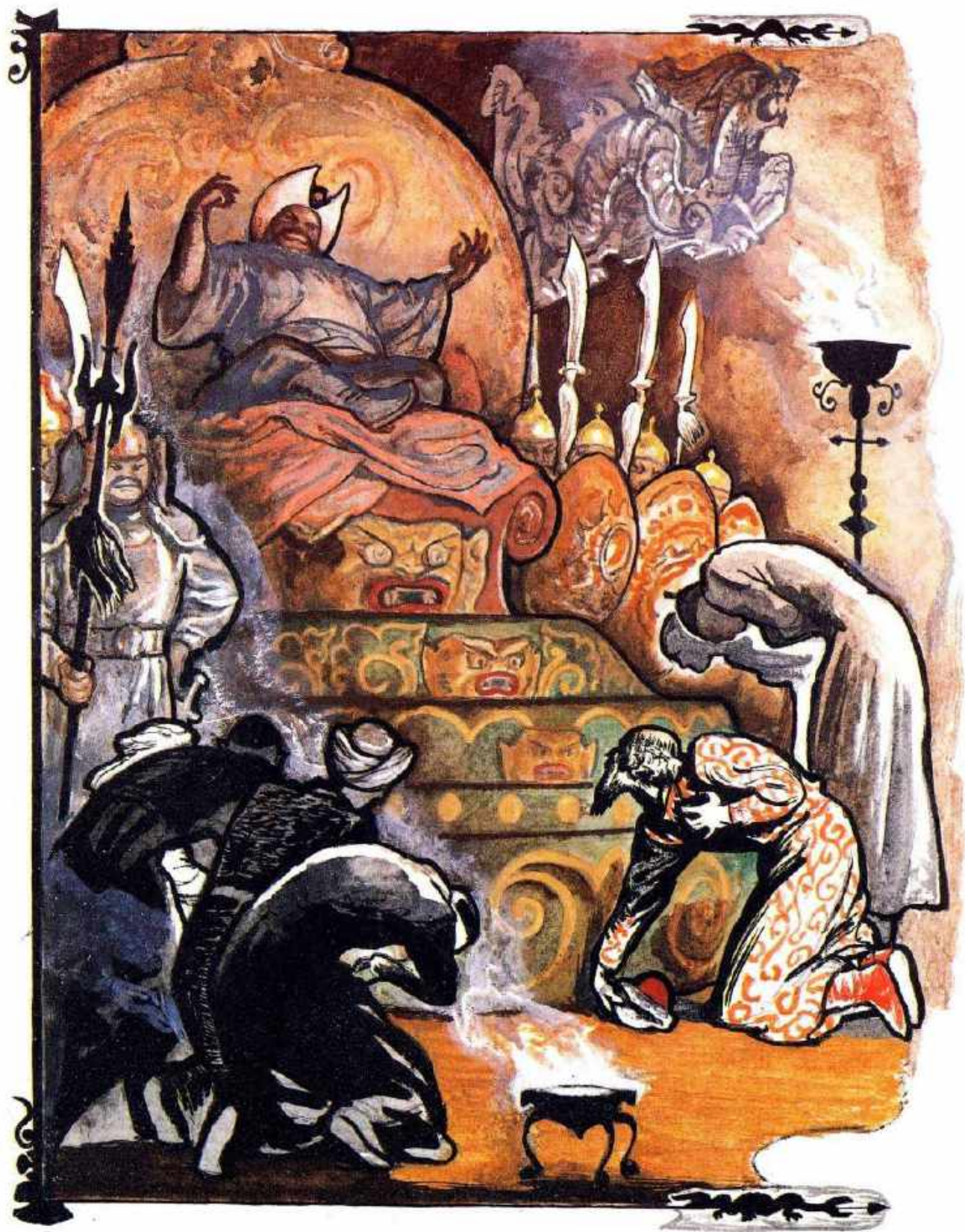
Но не ведали они силы божьей и были словно несмышленные младенцы.

Великий же князь Дмитрий Иванович Московский, за смирением которого скрывалась мудрость, помышлял лишь о царствии небесном и ничего не знал о том, что задумали против него его же ближние.

Тем временем пришли послы от литовского князя Ольгерда и от Олега Рязанского к безбожному царю Мамаю и принесли ему великие дары и послания от своих князей. Благосклонно принял дары царь Мамай и, выслушав послания, оказал послам почести.

Он отпустил их, так написав в ответ Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому:

«Хвала вам за дары ваши! Русские вотчины, которыми вы хотите владеть, получите от меня в дар, только присягните мне на верность,





а со своими силами присоединитесь ко мне там, где успеете, чтобы одолеть нашего неприятеля. Не думайте, однако, что я нуждаюсь в вашей помощи: если бы я захотел, то мог бы своею силою пленить древний Иерусалим, как некогда халдеи. Никто не может устоять предо мной и перед величием сил моих! Мне достаточно и чести вашей. Именем своим и мощью своею приведу я в трепет великого князя Дмитрия Ивановича и все земли ваши. Ведь мне, по моему царскому достоинству, подобало бы не такого князя победить, а царя, равного себе!»

— Так и передайте князьям своим.

Вернулись от безбожного Мамай послы каждый к своему князю и сказали:

— Царь Мамай здравствует, а вам воздает великую хвалу.

Те же, по скудоумию своему, возрадовались суетному привету безбожного царя. И не разумели они того, что только бог, что он захочет, то и свершит, и власть он дает. Ныне же, люди единой веры и единое крещение принявшие, присоединились к безбожному гонителю православной веры!

Олег же стал торопить Мамай. Посылал к нему послов, говоря:

— Выступай, царь, скорее на Русь!

И до великого князя Дмитрия Ивановича дошли вести о том, что Мамай наступает со многими силами. И послал он в Боровск за братом своим, великим князем Владимиром Андреевичем. И по всей Русской земле разослал гонцов к местным воеводам и боярам своим, повелев им не задерживаясь ехать к нему в Москву.

Князь же великий Владимир Андреевич не медля прибыл в Москву, и все князья и воеводы съехались.

Взяв с собою брата своего Владимира Андреевича, пошел князь великий Дмитрий Иванович к преосвященному митрополиту Киприану и сказал ему:

— Знаешь ли, отец наш, о обрушившейся на нас беде? Ведь безбожный царь Мамай, рыкая как лев, наступает на нашу землю с великим войском своим и хочет нас уничтожить!

Тогда митрополит Киприан спросил великого князя:

— Скажи мне, князь, в чем ты перед ним, неверным, провинился?

Прослезился князь великий Дмитрий Иванович и ответил:

— Ведь ты знаешь, отец, что я еще большие, чем отец мой, дары посылал Мамаю во все годы княжения моего!

И сказал митрополит Киприан:



— Видишь ли, князь, ради грехов наших, с божьего соизволения, устремился Мамай на Русскую землю. Однако вам, православным князьям, следует утолить ярость нечестивого дарами: пошли ему вчетверо больше. Если и это не поможет, то господь бог его смирит, ибо сказано: «Господь гордым противится, а смиренным дарует благодать». Ведь так случилось в Кесарии, с великим отцом Василием, когда злой отступник Юлиан, идя на персов, хотел разорить славный город Кесарию. Великий отец Василий, помолившись со всеми христианами господу богу, собрал много золота и послал его к Юлиану, чтобы умиливать свирепого дарами. Юлиан же еще больше разъярился. Тогда господь послал своего воина Меркурия, и Меркурий с помощью божьей силы разгромил того отступника со всем его воинством. Ты же, господин, возьми золота и пошли Мамаю.

Великий князь Дмитрий Иванович отправил в посольство избранного слугу своего, острого разумом, по имени Захарий Тютчев, дав ему двух толмачей, знающих татарский язык. А с ним послал много золота к безбожному царю Мамаю. И когда дошел Захарий до Рязанской земли, то услышал, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к царю Мамаю. Захарий же срочно послал тайного вестника в Москву, к великому князю Дмитрию Ивановичу.

Услышав об этой измене, князь великий Дмитрий Иванович сильно огорчился и со слезами, в горести начал молиться:

— Господи боже мой! На тебя, правду любящего, вся надежда моя. Если враг мне делает зло, то подобает мне терпеть, ибо извечно дьявол — враг рода человеческого. А ведь это же друзья мои близкие поднялись против меня! Рассуди, господи, меня с ними. Я им никакого зла не причинил, и ничего, кроме даров и любви, они от меня не видали. Суди, господи, по правде моей, и да пусть скончается злоба грешников!

И, взяв с собою брата своего Владимира Андреевича, во второй раз пошел он к преосвященному митрополиту Киприану и рассказал ему о том, что к царю Мамаю присоединились Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. Митрополит же сказал великому князю:

— А сам, господин, какую ты им обиду нанес?

Князь же великий расплакался и сказал:

— Если я перед богом и грешен, то перед ними нет у меня вины: даже в мелочах не нарушил я наших соглашений, заключенных еще отцами нашими. Разве не ведаешь, отец, что я доволен своими вотчинами и никакой обиды им не нанес? Не знаю, в чем причина их злобы на меня.

Преосвященный же митрополит Киприан сказал великому князю Дмитрию Ивановичу:

— Господин, пусть будут ясны твои очи и чисто сердце — ты закон божий почитаешь и творишь правду, а праведный господь любит правду. Ныне окружили тебя враги, как стая псов, но ты именем господним сопротивляйся им. А от всевидящего ока господня и его крепкой руки никто и нигде не укроется.

Великий князь Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир Андреевич посоветовались со всеми русскими воеводами и решили послать в поле сильный сторожевой отряд. И отправили в поле сторожевой отряд из отборных храбрецов: Родиона Ржевского, Якова Волосатого, Василия Тупика и других удалых витязей. И велели им дозор нести на Тихой Сосне, к станам ордынцев ехать и захватить языков, чтобы узнать от них подлинные намерения царя Мамаея.

А по всей Русской земле великий князь Дмитрий Иванович разослал гонцов, чтобы возвестить всем войскам:

«Будьте готовы на брань с безбожными агарянами; все должны собраться в Коломне, в день Успения пресвятой богородицы».

Сторожевой отряд задержался в поле. Тогда великий князь Дмитрий Иванович послал в поле второй сторожевой отряд — Климентия Полянина, Григория Судока и других многих с ними и приказал им, чтобы срочно возвращались назад с вестями. Они же по пути встретили Василия Тупика, ведущего языка к великому князю Дмитрию Ивановичу. А язык тот из людей царева двора. И рассказал язык великому князю Дмитрию Ивановичу, что точно — идет царь на Русскую землю, рассказал и о том, что к Мамаю присоединились Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. Но не спешит царь идти на Русь — ожидает осени.

Услышав эту верную весть, великий князь Дмитрий Иванович начал решительно готовиться на врага, стал он укреплять брата своего князя Владимира Андреевича и всех русских князей. Так говорил он им:

— Братья мои милые! Гнездо мы великого князя Владимира Киевского, который вывел нас из тьмы языческого идолослужения. Ему ведь господь бог дал познать истину православной веры, и он заповедал нам веру эту крепко хранить. Если кто ради этой веры пострадает, тот после смерти со святыми будет. Я же, братья, с вами хочу пострадать, положить голову свою за православную веру!

Князь же Владимир Андреевич и все русские князья и воеводы воскликнули:





Москва. Многочисленно войско



ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА.

— Мы с тобою готовы умереть и головы свои положить за тебя и за твою великую обиду!

Услыхав от брата своего и от всех русских князей, что они преисполнены отваги, великий князь Дмитрий Иванович повелел всему войску своему со всей Русской земли собраться в Коломне, чтобы там распределить полки и каждому полку назначить воеводу.

Пришли в Москву белозерские князья: Федор Семенович, да князь Семен, да князь Андрей Иванович Кемский, да князь Глеб Каргопольский. А воины их искусно вооружены — доспехи на них и шлемы блистали, будто волны морские переливаются. По числу же пришедших воинов белозерских и каргопольских — тридцать тысяч.

Пришли и ярославские князья со своими силами: князь Андрей, да князь Роман Прозоровский, да князь Лев Курбский, да князь Дмитрий Ростовский и других князей много.

И тут, братья, по всей Москве, по всем улицам стук стучит и гром гремит от золотых доспехов и от конских сбруй. Многочисленно войско великого князя Дмитрия Ивановича: не только, что во дворах, но и дальше — около Москвы — не уместиться всей силе.

И вот князь великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича и множество иных русских князей, пошел к живоначальной Троице, к преподобному игумену Сергию, чтобы получить от него благословение. И просил преподобный Сергей великого князя Дмитрия отслушать святую литургию: в тот день приспел праздник святых мучеников Флора и Лавра.

После литургии Сергей позвал великого князя вкушать хлеба в святой обители. В это время прискакали гонцы с известием, что уже близко поганые. Заторопился князь и стал просить преподобного, чтобы он отпустил его. После трапезы попросил князь преподобного благословить его. Преподобный же еще во время трапезы повелел воду освятить у мощей святых Флора и Лавра. И когда князь великий поднялся от трапезы, преподобный окропил его и все его христолюбивое войско этой святой водой, благословил князя и перекрестил его крестом христовым. И сказал Сергей ему:

— Иди, господин, с именем божьим, господь бог будет тебе помощник и заступник!

И еще сказал ему преподобный так:

— Знай, господин, победишь ты врагов своих!

И попросил его князь великий Дмитрий Иванович:

— Преподобный отец Сергей! Дай мне из своего полка двух





воинов-старцев — Пересвета и брата его Ослябю, тогда сам с нами будешь в бою!

Преподобный же Сергей повелел им собираться в поход — ведь были они прославленными воинами. Они сразу послушались преподобного, надев на себя вместо воинских доспехов схимы. И вручил им Сергей непобедимое оружие — крест христов, и передал их в руки великому князю Дмитрию Ивановичу, промолвив:

— Вот тебе мои воины!

А им сказал:

— Мир вам, братья, пострадайте за веру православную!

И благословил всех воинов христовым знаменiem.

Князь же великий Дмитрий Иванович возрадовался всем сердцем и никому не поведал о том, что сказал ему старец. И поехал к Москве. Здесь, взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича, пошел он к преосвященному митрополиту Киприану и ему одному рассказал о предсказании старца Сергия. Митрополит велел великому князю хранить в душе слова преподобного и никому не открывать их.

Наступил четверг, 27 августа, день памяти святого отца Пимена. И решил великий князь Дмитрий Иванович выйти навстречу поганым. И, взяв с собою князя Владимира Андреевича, пошел он в соборную церковь святой Богородицы. И, встав перед образом владыки господа нашего Иисуса Христа и молитвенно сложив руки на груди своей, начал он молиться, проливая потоки слез:

— Владыко, грозный и сильный! Воистину царь славы, помилуй нас! Когда мы бываем в беде, то к тебе взываем: в скорбях никакого другого помощника не имеем, кроме тебя, бога своего. Не оставь нас, владыка, и не отступи от нас! Суди, господи, обидящих меня и защити от нападения на меня! Возьми, господи, оружие и щит и приди на помощь мне, предай мне, господи, на суд противников, пусть познают они славу твою!

После этого пришел он к чудотворному образу владычицы нашей богородицы, написанному евангелистом Лукой, и, прослезившись, сказал:

— Царица, владычица, госпожа всех тварей, человеческая заступница! Через тебя познали мы истинного бога нашего, воплотившегося и родившегося от тебя. Не дай, царица, поганым разорить город наш, чтобы не осквернили они святой церкви твоей! Умоли сына своего, господа бога нашего, госпожа, чтобы усмирил он врагам сердца их, чтобы не взяли они верх над нами! Покрой нас своим нетленным покры-

валом, чтобы не боялись мы ран. На тебя мы надеемся и на твою помощь в битве с врагами своими! Выхожу на битву с безбожными варварами, да умолишь ты сына своего и бога нашего!

После того пришел он к гробу чудотворца Петра, митрополита московского и всея Руси, преклоняясь пред ним, молился и говорил:

— О чудотворец Петр! Моли бога и владыку нашего за нас. Тебя господь принял как защитника рода нашего. Тебе следует молиться о нас и просить у господя милости, чтобы не пришла на нас рука смертная! Ты — защитник наш от врагов!

И, окончив молиться, поклонился он преосвященному митрополиту Киприану. Митрополит же благословил его и отпустил. И осенил его крестным знаменiem. И послал митрополит соборных священников и весь клир церковный с живоносными крестами во Фроловские, и в Никольские, и в Константиновские ворота, чтобы каждый воин получил благословение.

А князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы, архистратига Михаила, поклонился святому образу его и, припав к гробницам православных русских князей, сказал:

— Вы истинные хранители и защитники русского народа! Если имеете вы дерзновение пред нашим владыкой господом, то помолитесь за нас! Ведь видите вы, какая беда на нас обрушилась. Поднимайтесь ныне на защиту наследия рода вашего вместе с нами!

И, промолвив это, вышел из церкви.

Великая же княгиня Евдокия со снохою своею, княгинею князя Владимира, с боярынями многими и с воеводскими женами стояла у Архангельского собора и проливала слезы, провожая уходящих на битву. В сердечной тоске, рыдая, смотрела она на великого князя всея Руси Дмитрия Ивановича, и каждая княгиня и боярыня горевала по своему князе и боярине.

И попрощалась великая княгиня Евдокия с князем Дмитрием Ивановичем прощальным целованием, и остальные княгини и боярыни попрощались со всеми князьями и боярами и возвратились с великой княгиней в хоромы.

Князь же великий Дмитрий Иванович сам едва удержался от слез, чтоб не видел народ, а сердце исходило горькими слезами. Но утешал он великую княгиню Евдокию и говорил так:

— Если господь за нас, то никто нас не одолеет!

И сел князь великий Дмитрий Иванович на своего боевого коня,



и все князья и воеводы также сели на коней своих. Солнце ему на востоке сияет — путь ему освещает, и выехали из каменного города Москвы через трое ворот: через Фроловские, и Никольские, и Константиновские. И каждый воин был в воротах осенен крестом и окроплен святою водой. А князья белозерские отдельным отрядом со всеми силами своими выехали, радостно было смотреть на их ряды!

Брата своего князя Владимира Андреевича с его силами великий князь отправил по дороге на Брашево, белозерские князья пошли Коломенской дорогой, мимо Симонова монастыря, а сам князь великий со всеми силами своими пошел дорогой на Котел. И спереди ему солнце путь освещало, а сзади тихий попутный ветер веял. Потому князь великий разделился с братом своим, что из-за множества воинов не уместиться было на одной дороге.

А княгиня великая Евдокия со снохою своею, с князя Владимира княгинею, и с воеводскими женами поднялась в свои набережные хоромы, и села на рундуке возле окна, и увидела великого князя Дмитрия Ивановича, скачущего лугом около Москвы-реки. Смотрит она на него, а слезы так и льются, как речные быстрыны, и сердце надрывается. И, ударив руками в грудь, так запричитала она:

— Господи, человеколюбивый владыка! Посмотри на смирение мое и дай мне снова увидеть государя моего, прославленного среди людей великого князя всея Руси Дмитрия Ивановича. Помоги ему крепкой рукой твоей победить врагов. Не допусти, господи, того, что раньше случилось на Калке, когда произошла битва христиан с агарянами. От такой беды спаси, господи, и помилуй! Не дай, господи, погибнуть нам! Ни на кого мы надежды не имеем, надеемся только на милосердие твое. У меня всего два малых сыночка — Василий да Георгий Дмитриевичи. Если поразит их солнце с юга или ветры с запада, оба этого не перенесут, что тогда делать мне? Возврати им, господи, во здравии отца их, тогда будут они царствовать вовеки!

Великий же князь Дмитрий Иванович взял с собою из Москвы десятерых купцов-сuroжан, чтобы были они свидетелями битвы. И о том, что случится, расскажут они потом в дальних странах. И двигался с войском князь великий по большой, широкой дороге. А за ним сыновья русские поспешают, словно на пиру чашами мед пьют.

Великий князь Дмитрий Иванович пришел в Коломну 28 августа, в день памяти святого отца Моисея Мурина. А там уже собрались все воеводы и белозерские князья, и встретили они великого князя на речке Сиверке. А епископ коломенский Герасим со всем клиром церковным





И СПЕРЕДИ ЕМУ СОЛНЦЕ ПУТЬ ОСВЕЩАЛО,



А СЗАДИ ТИХИЙ ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР ВЕЯЛ.

встретил его в городских воротах в святительском одеянии и с живоносными крестами, и осенил он великого князя крестом, и сотворил молитву:

— Спаси, боже, люди своя!

На другой день, в святое воскресенье, повелел воеводам великий князь Дмитрий Иванович собираться за городом, на Девичьем поле. И приказал он во все трубы трубить и в литавры бить.

Сыновья русские выстроились на обширном поле Коломенском. Невозможно окинуть одним взглядом все величие войска московского! Великий князь Дмитрий Иванович вместе с братом своим князем Владимиром Андреевичем выехал на поле. И, увидев многое множество войска своего, возрадовался он душою и сердцем и назначил каждому полку воеводу. Себе в полк взял он белозерских князей, в полк правой руки назначил он брата своего князя Владимира Андреевича, придав ему ярославских князей, в полк левой руки назначил Глеба Брянского, в передовой полк назначил Дмитрия Всеволодовича Холмского, в сторожевой полк назначил воевод Микулу Васильевича, да Тимофея Волуевича, да Ивана Родионовича Квашню Углицкого. А у князя Владимира Андреевича в полку воеводы — Андрей Серкизович, Даниил да Константин Кононовичи, да князь Феодор Елецкий, князь Георгий Мещерский, князь Андрей Муромский.

Урядив полки, князь великий Дмитрий Иванович приказал им переправляться через реку Оку и строго-настрого наказал воеводам и всем воинам в каждом полку, чтобы во время перехода через Рязанскую землю никакой обиды рязанцам не чинили.

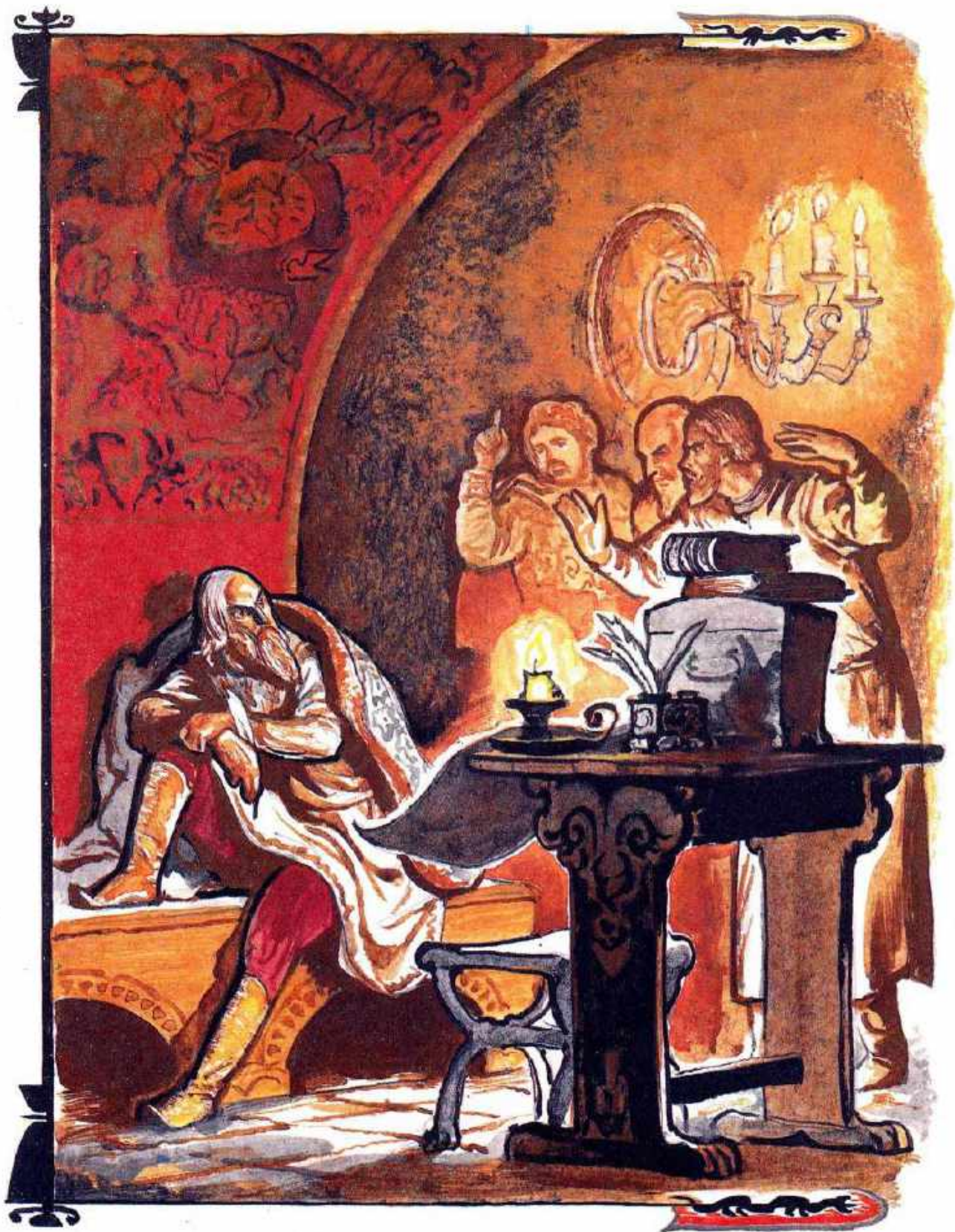
А сам великий князь Дмитрий Иванович, благословившись у коломенского архиепископа, переправился через реку Оку и отпустил в поле третий сторожевой отряд из отборных витязей, чтобы они высмотрели татарские сторожевые отряды, а воеводой с ними пошел Семен Мелик.

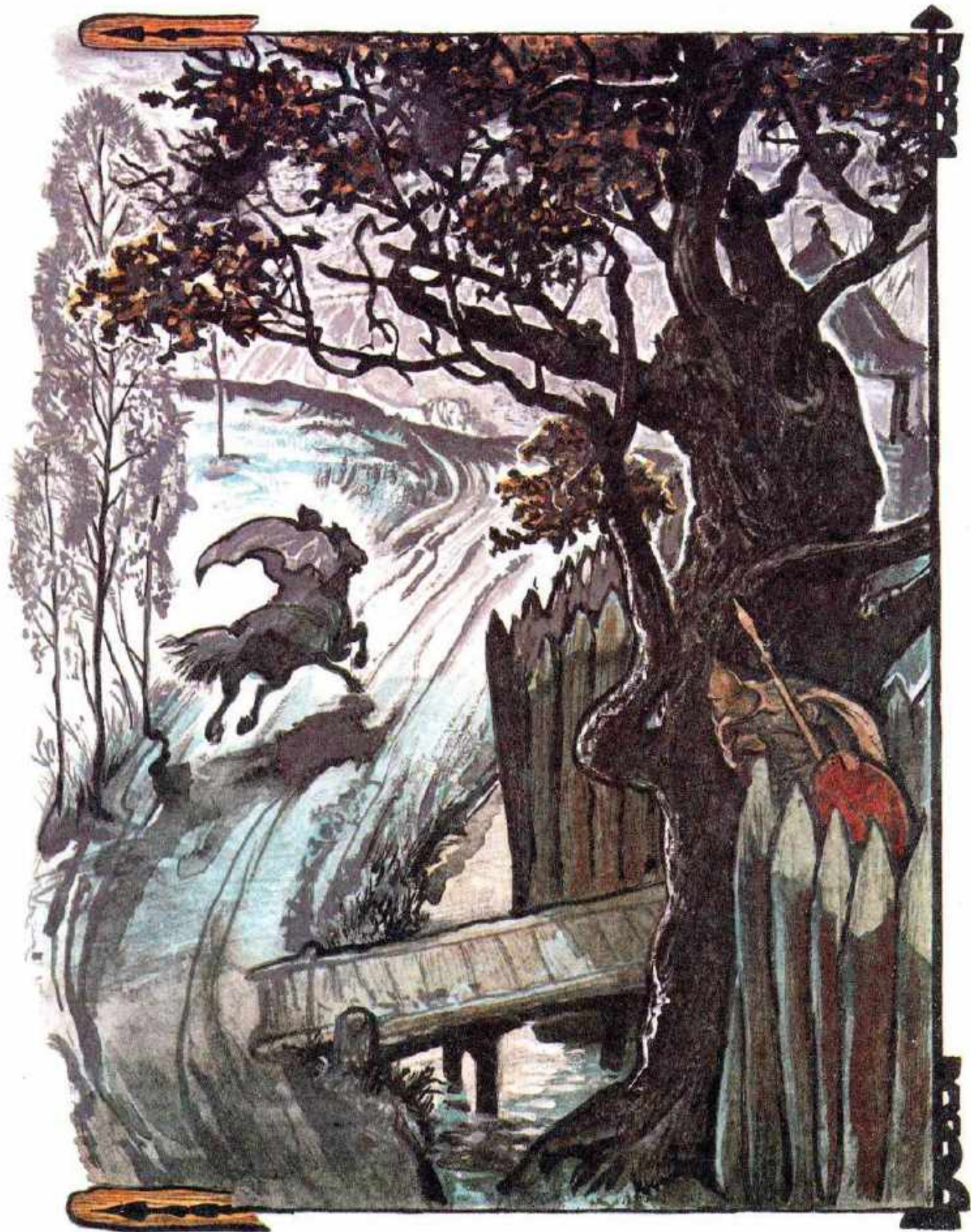
И сказал князь великий Дмитрий Иванович брату своему Владимиру Андреевичу:

— Поспешим, брат, навстречу поганым, не будем таиться от нечестивых. Если суждена нам смерть, то вместе общую чашу смертную изопьем!

Идя путем своим, призывал он родичей своих на помощь, святых мучеников, братьев родных Бориса и Глеба, в святом крещении названных Романом и Давыдом.

И услышал Олег, князь рязанский, что выступил в поход московский великий князь Дмитрий Иванович, что объединились многие силы





разных князей и идут навстречу безбожному царю Мамаю. Перепугался Олег, стал из одного места в другое переходить с единомышленниками и друзьями своими, и сказал он:

— Как бы нам известить многоразумного Ольгерда Литовского и узнать, что он об этом думает? Я ведь рассчитывал, что великий князь московский Дмитрий Иванович поступит, как в прежние времена, — ведь не пристало московским князьям выступать против восточного царя. Не могу понять, откуда ему пришла такая помощь, что он решился вооружиться против нас троих?

И сказали ему бояре его:

— Господин наш князь, нам еще пятнадцать дней тому назад поведали, что есть в вотчине его старец, по имени Сергей, великий прозорливец, тот его на бой благословил и дал ему из своего монастыря старцев на подмогу.

Олег разгневался на бояр своих и сказал:

— Почему вы мне раньше об этом не рассказали? Тогда бы я пошел, отговорил нечестивого царя и никакой беды не случилось бы. Горе мне, окаянному, я не только вотчину свою потерял, но и душу свою погубил! Горе мне, окаянному, — как Святополка, поглотит меня земля: ведь я чту закон истинного бога, а на православную веру ополчился вместе с нечестивыми. Ольгерд Литовский проповедует веру гнусавого Петра, я же крещен в православной вере. Я и рад бы сейчас присоединиться к великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому, но не примет он меня теперь, ибо знает о моей измене!

И стал он плакать горько и сказал:

— Воистину великому князю Дмитрию Ивановичу за его правду бог поможет по молитвам этого старца Сергея, московского чудотворца!

И приказал Олег казнить бояр своих за то, что они не рассказали ему о решении великого князя пойти против Мамаю.

Ольгерд же Литовский, после того как получил грамоты от Олега Рязанского, собрал множество литовцев из разных земель и двинулся на помощь царю Мамаю. И когда пришел он к Одоеву, то услышал, что великий князь московский Дмитрий Иванович выступил со многими силами против царя Мамаю. И, узнав, что Олег Рязанский испугался, Ольгерд Литовский остановился на этом месте, не решаясь идти дальше. И понял он суетность своего замысла, и увидел, что союз их распался, и впал он в глубокое уныние, и сказал:

— Если человеку не хватает своего разума, то напрасно полагается он на чужую мудрость. Никогда ведь Литва не училась у Рязани, а

вот ныне Олег помутил мой разум да и сам пропал! Вот что — подожду я теперь здесь, пока не услышу о победе великого князя Дмитрия Ивановича!

Сыновья же Ольгерда, князь Дмитрий Полоцкий да князь Андрей Брянский, услышали, какая беда нависла над великим князем Дмитрием Ивановичем Московским и над всеми православными христианами от безбожного царя Мамай. И послал князь Андрей Ольгердович Брянский гонца к брату своему, к князю Дмитрию Ольгердовичу Полоцкому:

— Слышал, брат, какая угроза нависла над великим князем московским Дмитрием Ивановичем? Идет на Русскую землю восточный царь, безбожный Мамай, чтобы покорить великого князя. А отец наш, великий князь Ольгерд Литовский, вступил с безбожным в союз против православной веры. Мы же, брат, приняв крещение, единой веры с православными. От отца своего отошли мы в веру, и отец наш отверг нас, но тем сильнее господь бог возлюбил нас, заповедав нам хранить правую веру. Вспомни, брат, что пишется в святом Евангелии: «Друг другу в беде помогайте и тем исполните заповедь Христову». Ныне же, брат, соберем своих воинов, сколько их есть у нас, и пойдем на помощь к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу. Если и случится нам жизнь отдать за православную веру и за великую обиду земли Русской, то изопьем общую чашу смертную с великим князем Дмитрием Ивановичем!

Получив послание от брата своего князя Андрея Ольгердовича, обрадовался Дмитрий Ольгердович, стал плакать от радости и так говорить:

— Владыка, господь человеколюбец, помоги рабам твоим свершить волю твою. Ведь это ты, владыка, вразумил брата моего свершить сей подвиг!

И вот вскоре встретились оба брата в Брянске со своими силами в тридцать тысяч и быстро из Брянска пошли на помощь к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу. И узнали они от повстречавшегося им по пути бортника, что великий князь московский Дмитрий Иванович стоит недалеко от Дона, поджидает поганных. И пошли они дорогой через северские леса, таясь отца своего, чтобы не прогневался на них отец и не проклял бы их. С божьей помощью пришли они быстро на Дон к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу. Князь же великий Дмитрий Иванович, не доехав немного до Дона, стоял станом на месте, называемом Березуй.

Услыхал князь великий Дмитрий Иванович, что пришли к нему



на помощь литовские Ольгердовичи с воинами своими, и вместе с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, стал встречать их. Возрадовался он великой радостью и, проливая от радости слезы, как речные струи, сказал:

— Владыка человеколюбец, создатель неба и земли и всех тварей, неизреченна твоя милость к нам: даже дети отца оставили и пришли на помощь к нам!

И встретил Ольгердовичей князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, и одарил их дарами великими, и обнялись они, и целовали друг друга со слезами, и сказал князь великий:

— Братья мои милые, ради какой нужды пришли вы ко мне? Я понимаю, что не ради меня пришли вы ко мне, а господь бог послал вас в путь сей. Воистину вы последователи отца нашего Авраама, который, не замедлив, Лоту помог!

И устроил великий князь Дмитрий Иванович пир в шатрах, и послал гонца в Москву к преосвященному митрополиту Киприану и к великой княгине Евдокии с вестью:

— Ко мне на помощь пришли литовские князья Ольгердовичи со многими силами, а отца своего оставили.

Быстро прибыл гонец в Москву. И когда услышал эти вести митрополит Киприан, прослезился он и встал на молитву:

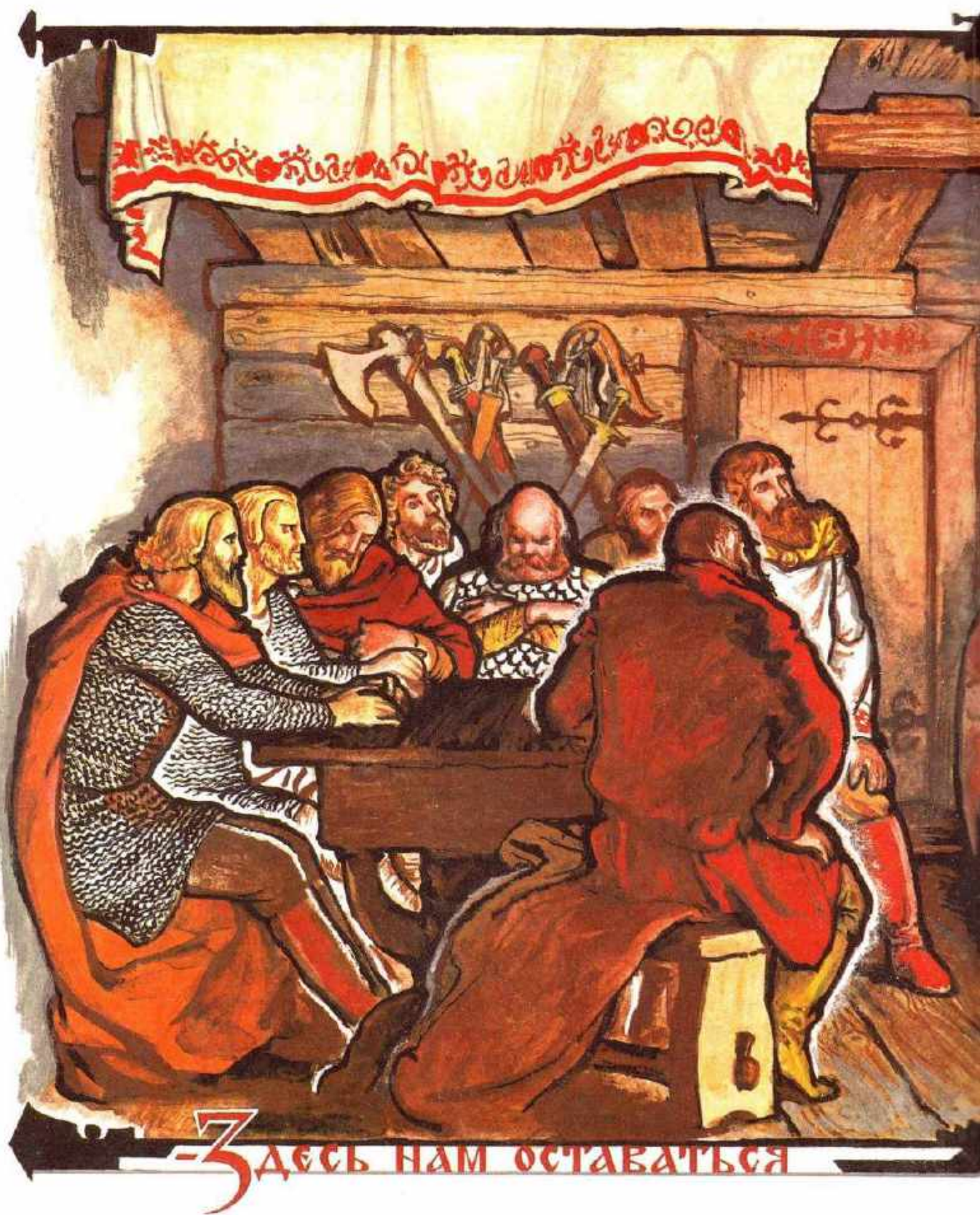
— Господи, владыка, царь человеколюбивый, даже дующие против нас ветры утихли!

И разослал он гонцов во все соборные церкви и во все монастыри с повелением молиться день и ночь, а монахам велел поститься и в церквах молебны петь.

Великий князь Дмитрий Иванович со всеми силами своими стоял на Березуе, за двадцать поприщ от Дона, поджидая дозорных из поля, и, когда наступило 5 сентября, день памяти убиения великого князя Глеба Владимировича, прискакали из поля двое дозорных — Петр Горский да Карп Алексеев. И привели они с собой языка — человека из придворных царя. Язык же этот рассказал, что царь сейчас стоит у Кузьмина брода. Но не спешит, потому что поджидает прихода к себе Олега Рязанского и Ольгерда Литовского, а о московских силах царь ничего не знает и встречи с ними не ожидает.

И спросил князь великий у языка о числе войск царевых. Язык же сказал:

— Никому силы его не сосчитать — такое ее многое множество. А будет царь на Дону через три дня после сегодняшнего дня.



-Здесь нам оставаться



или переправиться через Дон?

Начал князь великий Дмитрий Иванович думу думать с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями Ольгердовичами:

— Здесь нам оставаться или переправиться через Дон?

И сказали Ольгердовичи:

— Государь, князь великий Дмитрий Иванович, если хочешь, чтобы войско крепко стояло, то надо переправиться через Дон. Тогда никто не будет думать об отступлении, но все, как один, общую чашу смертную изопьем! В старые годы, государь, Ярослав, переправившись через реку, Святополка победил, а Великий Александр, переправившись через реку, римского короля победил, пришедшего на него с похвальбою. Тебе же, великому князю, так же подобает поступить. И если победим их, то все славы удостоимся, а если умрем, то все общую чашу смертную изопьем от князя и до боярина и до простых ратников!

Повелел князь великий Дмитрий Иванович воинам своим переправляться через Дон и приказал все войска свои сосчитать. Князь же Федор Семенович Висковатый, московский большой боярин, сказал великому князю Дмитрию Ивановичу:

— У тебя, государь, у великого князя Дмитрия Ивановича, в большом полку войска семьдесят тысяч.

Предводитель же сил правой руки, брат его, князь Владимир Андреевич Боровский, сказал:

— У меня, государь, в полку сорок тысяч.

Воевода же полка левой руки, князь Глеб Брянский, сказал:

— У меня, государь, в полку войска тридцать тысяч.

Сторожевого же полка воеводы, Микула Васильевич, да Тимофей Волуевич, да Иван Родионович Квашня Углицкий, сказали:

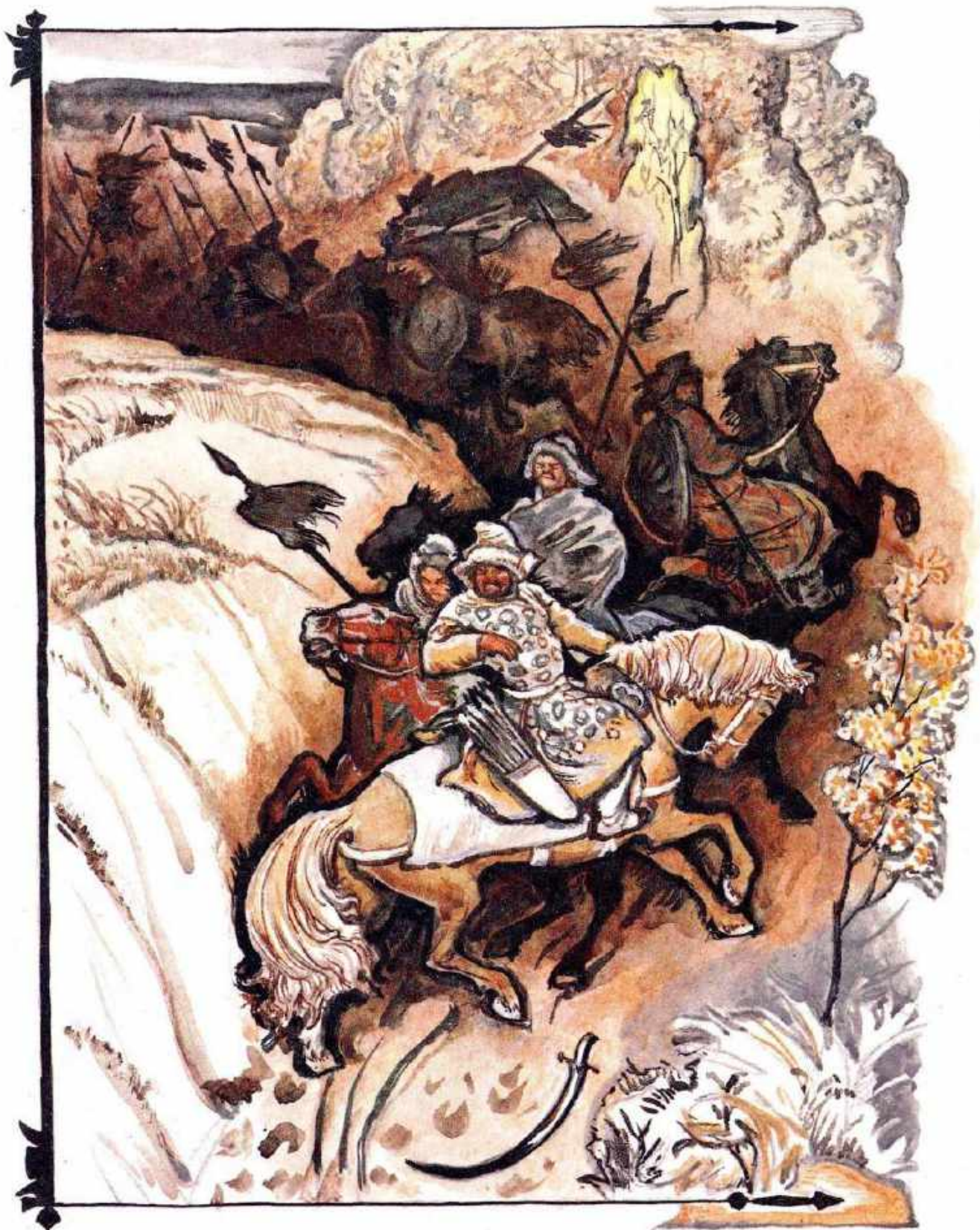
— У нас, государь, в полку тридцать четыре тысячи.

Передового же полка воевода, князь Дмитрий Всеволодович Холмский, говорит:

— У меня, государь, в полку двадцать пять тысяч.

А в ертаульных полках лучших дворян и выборных голов двадцать тысяч. А с литовскими князьями Ольгердовичами пришло войска тридцать тысяч. Да разных простых людей, и в обозе, и при кормах — двадцать тысяч.

В тот же день прибыли из Великого Новгорода посадники Яков Иванов сын Зензин да Тимофей Константинович Микулин к великому князю Дмитрию Ивановичу на помощь, а с ними пришло новгородской силы тридцать тысяч князей и бояр и разных людей. Обрадовался





великий князь Дмитрий Иванович и бил челом посадникам и целовал их с великой радостью:

— Воистину вы дети Авраамовы — пришли в столь великой беде ко мне на помощь!

Из Поля же все чаще прибывали дозорные, извещая, что приближаются поганые агаряне. А захваченные языки говорили, что всех сил татарских у царя Мамай восемьсот тысяч.

За много дней до битвы к полю Куликову понабежали стаи волков, которые беспрестанно были днем и ночью. Слетелось бесчисленное множество ворон и галок, которые кричали без умолку. От устья Дона прилетело много орлов, они с клекотом и криком ожидали грозного побоища, когда поля покроются трупами и кровь будет литься, как воды морские. От такого страха и великой беды деревья склонились к земле и трава по земле стелилась. Многие воины в полках, объятые страхом, приуныли, ожидая смертного часа.

Дозорные же все чаще приносят известия, что поганые совсем близко.

7 сентября, в шестом часу утра, прискакал Семен Мелик со своей дружиной. За ними гнались татары и так завлечены были погоней, что налетели на русские полки и, увидев войско русское, устремились назад. И, выехав на пригорок, рассмотрели русские полки. Божьей милостью, ради гибели поганых, показалось им, что русских войск бесчисленное множество: словно волны морские зыблются — блистают их доспехи. И поскакали они назад и поведали царю, что русские князья ополчились на него, пришли и стоят около Дона, и нет числа силам их.

Мамай же, нечестивый царь, услышав это, распалился гневом, подстрекаемый дьяволом на свою гибель, и закричал зычным голосом:

— Разве не такая же сила моя? И если воины мои не одолеют московского князя, то как я тогда возвращусь в свою великую Орду!

И повелел он срочно всему войску своему изготавиться и на коней сесть. И если бы он мог, то тут же, не сходя с места этого, перебил бы всех христиан!

А Семен Мелик рассказал великому князю Дмитрию Ивановичу:

— Царь Мамай пришел на Гусиный брод, от нас пути всего одна ночь, утром будут они на Непрядве-реке. Тебе, великому князю, подобает расставить силы и приготовиться к битве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями Ольгердовичами

сразу же, с того шестого часа, полки расставлять. А с литовскими князьями пришел некий воевода, по имени Дмитрий Волынец, опытный полководец. Искусно полки он расставил — кому где следует находиться.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и литовских Ольгердовичей, выехал на холм и увидел оттуда все полки свои: знамена полощутся, и стяги развеваются, словно облака плывут, трепещут так, будто хотят что-то промолвить. Доспехи же русских воинов, как вода морская, ветром зыблемая, а шлемы на головах их подобны золотой утренней заре, сияющей в погожий день. А яловцы на шлемах их пламенем огненным трепещут. Умильно видеть и жалостно смотреть на такое единение русских сынов и на их ратный строй. Все ведь друг за друга готовы умереть, и все единогласно восклицают:

— Боже, взгляни на нас со святой высоты твоей и даруй православному князю нашему, как Константину, победу над варварами!

Дивились, видев это, литовские князья и сказали про себя:

— Никогда не видали мы такого войска и не слыхали о таком, и после нас такого войска не будет — подобно оно войску Александра Македонского!

А великий князь Дмитрий Иванович подъехал к черному знамени великого полка. Сошел он с коня своего и пал наземь пред этим знаменем, на котором был вышит образ владыки нашего господа Иисуса Христа. И, вздохнув из глубины сердца своего, начал он со слезами молиться:

— Владыка вседержитель, посмотри благосклонно всевидящим оком своим на нас, людей твоих, которых ты своею рукой создал и кровью своею искупил из рабства! Обрати лицо свое, владыка, на нечестивых, которые творят зло рабам твоим. Молюсь я образу твоему святому, и пречистой твоей матери, и твердому, необоримому молебнику за нас, русскому святителю Петру-чудотворцу, и преподобному старцу Сергию. Надеюсь на их молитвы, осмеливаюсь я взывать к имени твоему святому, владыка!

Окончив молитву, поднялся он с земли, сел на коня своего и стал объезжать полки. И говорил он воеводам и боярам своим и всем воинам:

— Братья мои милые, от малого и до великого! Вот и приспела эта ночь, и день грозный приближается, мужайтесь и крепитесь, господь с нами в битвах силен! Пусть каждый остается на месте своем и не



покидает его: утром мы не успеем изготавиться к бою, ведь гости наши уже близко — подходят к реке Непрядве. Завтра всем нам предстоит общую чашу пить, каждому свою чару. Уповайте на бога живого, и да будет меж вами мир. А меня, братья, простите в этом веке и в будущем — никто не знает, что с нами будет!

И простился князь великий конечным целованием со всеми воеводами своими, и с боярами, и с местными князьями. Попрощался он и с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и отпустил его вверх по Дону в дубраву, а с ним послал сорок тысяч войска и повелел им там утаиться в засаде. И с ними отпустил прославленного воеводу Дмитрия Волынца.

Наступила ночь светлого праздника Рождества пресвятой богородицы, и была эта ночь теплая и тихая. Дмитрий Волынец сказал великому князю Дмитрию Ивановичу:

— Садись, государь, на коня своего!

И выехали они в полночь в поле, и остановились посредине меж войск русского и татарского. И когда повернулись в сторону татарских полков, то услышали крик и шум и стук громкий, как будто на ярмарку съезжаются, сзади же полков грозно выли волки, справа — каркали вороны и кричали орлы, а по реке Непрядве гуси и лебеди плескали крыльями, поднимая небывалый шум.

И спросил Волынец великого князя Дмитрия Ивановича:

— Что, государь, слышишь?

— Слышу, брат, шум великий, а над своими полками вижу, как заря занимается.

Сказал Волынец:

— Хорошее, государь, предвестье!

Потом соскочил Волынец с коня, и припал к земле правым ухом, и так слушал долгое время, а поднявшись, молча поник головой.

И спросил великий князь:

— О чем говорит эта примета?

Волынец не захотел отвечать. Но князь великий потребовал, чтобы он говорил.

И сказал Волынец:

— Скажу тебе, государь. Одно знаменье — нам на пользу, а другое — на горе. Слышал я, как земля плакала надвое: одна сторона плакала, будто старая мать о детях своих, и причитала она басурманским языком, а другая сторона плакала, как девица, и плач ее прозвучал, словно жалобный зов свирели. Я разумею значение многих примет. Будут





—... Гибель в таком сражении —



НЕ СМЕРТЬ, А ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ...

ныне разбиты поганные, много падет и христиан. Будет, государь, твоя рука высока! Никому, государь, в полках не открывай того, что я тебе рассказал.

Услышав все это, князь Дмитрий Иванович горестно воскликнул:

— Да будет воля божия!

В ту же ночь некий муж, разбойник по имени Фома, стоявший в дозоре, по изволению божьему удостоился видеть знамение. Видел он, как на восточной стороне сошли с неба великие светлые полки, светящиеся, как утренняя заря, а на южной стороне появились из облака два светлых юноши с острыми мечами в руках.

И, глядя на татарские силы, сказали они татарским полковникам:

— Кто вам велел разорять отечество наше? Эти города поставлены прадедами нашими!

И начали они татар мечами рубить и всех порубили, ни один не спасся. С тех пор этот разбойник стал праведным. Вернувшись из дозора, поведал он великому князю Дмитрию Ивановичу о видении. Князь же великий Дмитрий Иванович сказал ему:

— Никому об этом не говори!

А сам князь, возрев на небо, начал молиться со слезами:

— Господи, владыка человеколюбец! Молитвами святых мучеников помоги мне, как когда-то помог ты Моисею против Амалика, великому Ярославу против Святополка и моему прадеду Александру против похвалявшегося короля римского. Не предай нас ныне, владыка, на погибель врагам нашим, чтобы не возрадовались они и не сказали: «Где же бог их?» Помоги, господи, христианам, которые прославляют имя твое святое!

Утром, с восходом солнца, поднялась такая мгла, что не разглядеть было воинов. В русских полках подняли знамена и затрубили в трубы. От трубных звуков взбодрились русские кони, не торопясь выступили русские полки, каждый под своим знаменем, идут молча и спокойно, как на пир пить чаши медовые. Во втором часу с обеих сторон начали трубы трубить — кто кого пересилит. И вот татарские трубы заглохли, а русские трубы звонко трубят. Противники же еще не видят друг друга из-за тумана.

Под тяжестью обеих войск поле Куликово прогибается и реки из берегов выступают. Ведь еще никогда такого множества людей не бывало на поле Куликовом. Великий князь Дмитрий Иванович надел на себя булатные доспехи и, сев на боевого коня своего, стал объезжать полки и говорил, плача:

— Братья мои милые, бояре, и воеводы, и все местные князья, и все воины, от малых и до великих, ради господ и святых ради церквей и за православную веру боритесь до последнего, гибель в таком сражении — не смерть, а жизнь вечная, пусть никто не помышляет о земном — увенчаемся венцами победы!

Укрепив полки, великий князь вернулся под свое великокняжеское знамя, пересел на другого коня своего и, сняв с себя свой плащ, надел другой. Первого же коня своего он дал князю Михаилу Андреевичу Бренку, и плащ свой на него надел, и великокняжеское знамя повелел над ним возить, потому что любил его больше всех. Под знаменем великого князя убит был Михаил.

А сам князь великий Дмитрий Иванович встал на месте своем, как рядовой воин, и вынул из-за пазухи, с груди своей, живоносный крест с изображением страстей Христовых, и, проливая горькие слезы, сказал:

— Владыка, господи человеколюбец, на тебя надеюсь! Покажи на мне, рабе твоём, милость свою.

В это время прискакал гонец с грамотой от преподобного старца Сергия. И в грамоте было написано:

«Великому князю Дмитрию Ивановичу, и князю Владимиру Андреевичу, и воеводам, и боярам, и всему православному войску от старца Сергия мир и благословение!»

Великий князь Дмитрий Иванович, выслушав это послание Сергия, расцеловал гонца, а тот передал великому князю хлебец от преподобного. Воздев руки к небу, великий князь Дмитрий Иванович воскликнул:

— Святая богородица, помогай мне молением старца Сергия!

И, взяв копье свое и палицу железную, ринулся он вперед, в горести души своей желая прежде всех начать биться за свою великую обиду.

Едва удержали его русские князья и бояре и воскликнули все, как едиными устами:

— Не подобает тебе, великому князю, самому биться. Тебе, государь, подобает стоять на одном месте, молить бога за нас и смотреть, кто как будет нести службу свою и кому какую награду за его службу дать. Мы же, рабы твои, за тебя, государя, рады головы свои сложить. Если мы останемся живы, а ты, государь, погибнешь, то с кем мы останемся и кто нам честь воздаст? Будем мы тогда разогнаны, как разбегаются от волков овцы без пастыря.



Прослезился великий князь Дмитрий Иванович и сказал:

— Братья мои, сыновья русские, от горести души своей и за свою великую обиду хочу голову свою положить прежде вас. Если умру, то с вами, если жив останусь — с вами же!

Передовой полк князя Дмитрия Владимировича Холмского пошел на безбожных. Полк левой руки князя Глеба Брянского также устремился на безбожных агарян. А безбожный царь Мамай с тремя своими ордынскими князьями выехал на высокий холм, чтобы наблюдать оттуда кровопролитие человеческое. Поганные силы идут с двух сторон, как лес, и нет им простора, чтобы расступиться, — в собственной тесноте задыхаются.

Из татарского войска выехал богатырь, муж огромный, обличьем и силой подобный древнему Голиафу. Троицкий старец Пересвет, который находился в передовом полку, увидев этого злого богатыря, надел на голову свою куколь вместо воинского шлема, а в руку вместо оружия взял крест Христов и сказал:

— Этот человек ищет противника себе, я с ним готов биться! — И воскликнул Пересвет: — Преподобный отец Сергей, моли бога за меня! Отцы и братья, простите меня! Ты же, брат Ослябя, молись за меня!

И выехал он из рядов, и ринулся на того злого богатыря, и ударились они крепко, так что едва под ними земля не проломила, и пали оба с коней замертво на землю.

Когда наступил третий час дня, русские полки — передовой полк, и полк левой руки, и сторожевой полк — все вместе вступили в бой с татарскими полками и вскричали все единодушно:

— С нами бог! Помогите нам над врагами нашими!

И началась жестокая схватка. И не только оружием разили, но и друг о друга разбивались.

Великий князь Дмитрий Иванович, не в силах видеть столь кровопролитное сражение, выступил против поганных со своим большим полком, и уже все полки его, кроме полка князя Владимира, вступили в бой. Мечи сверкали так, как блистает солнце перед зарей, от ломающихся копий стоял треск, подобный грому, воины задыхались от тесноты. Не велико поле Куликово, и невозможно было всем уместиться на нем: поперек поля Куликова тридцать верст, а в длину — сорок верст. Могучие полки сошлись на том поле, невиданное развернулось на нем сражение: в один час многие тысячи погибли на поле Куликове! Озера кровавые образовались, и ручьи кровавые потекли! Столь грозно побоище





и так много людей, что поле Куликово прогибалось и реки из своих берегов вышли!

Наступил уже шестой час дня — и по божьему произволению и за наши согрешения начали поганые одолевать православных христиан. Сыновья русские падают, как степная трава под конскими копытами стелется. Самого великого князя Дмитрия Ивановича тяжело ранили, и ушел он с поля боя на правый склон горы, горько сетуя. Со всех сторон обступили поганые, а христианские полки сильно поредели.

Видев такое поражение христиан, говорит князь Владимир Андреевич Дмитрию Волынцу:

— Брат Дмитрий, какая польза от нашего стояния в засаде, кому же мы будем помогать? Ведь никого не останется!

Ответил Волынец князю Владимиру Андреевичу:

— Еще, господин, не наступило наше время! Подождем немного, а придет время, и наступит наш час, тогда воздадим врагу седмерицею!

Прослезился князь Владимир Андреевич и, воздев руки к небу, воскликнул:

— Боже отцов наших, сотворивший небо и землю, не дай, владыка, врагам нашим одолеть нас. Мало показнив, много помилуй, ведь ты многомилостив!

Сыновья же русские из полка Владимира стояли и плакали, видя, как гибнут друзья их, и непрестанно рвались в бой, как гости на пир, чтобы сладкого вина испить. Волынец же удерживал их, говоря:

— Подождите еще немного, будет еще вам над кем потешиться!

Когда наступил восьмой час дня, то божьим произволением и милостью божьей повеял сзади них тихий ветер. Тогда вскричал Волынец громким голосом:

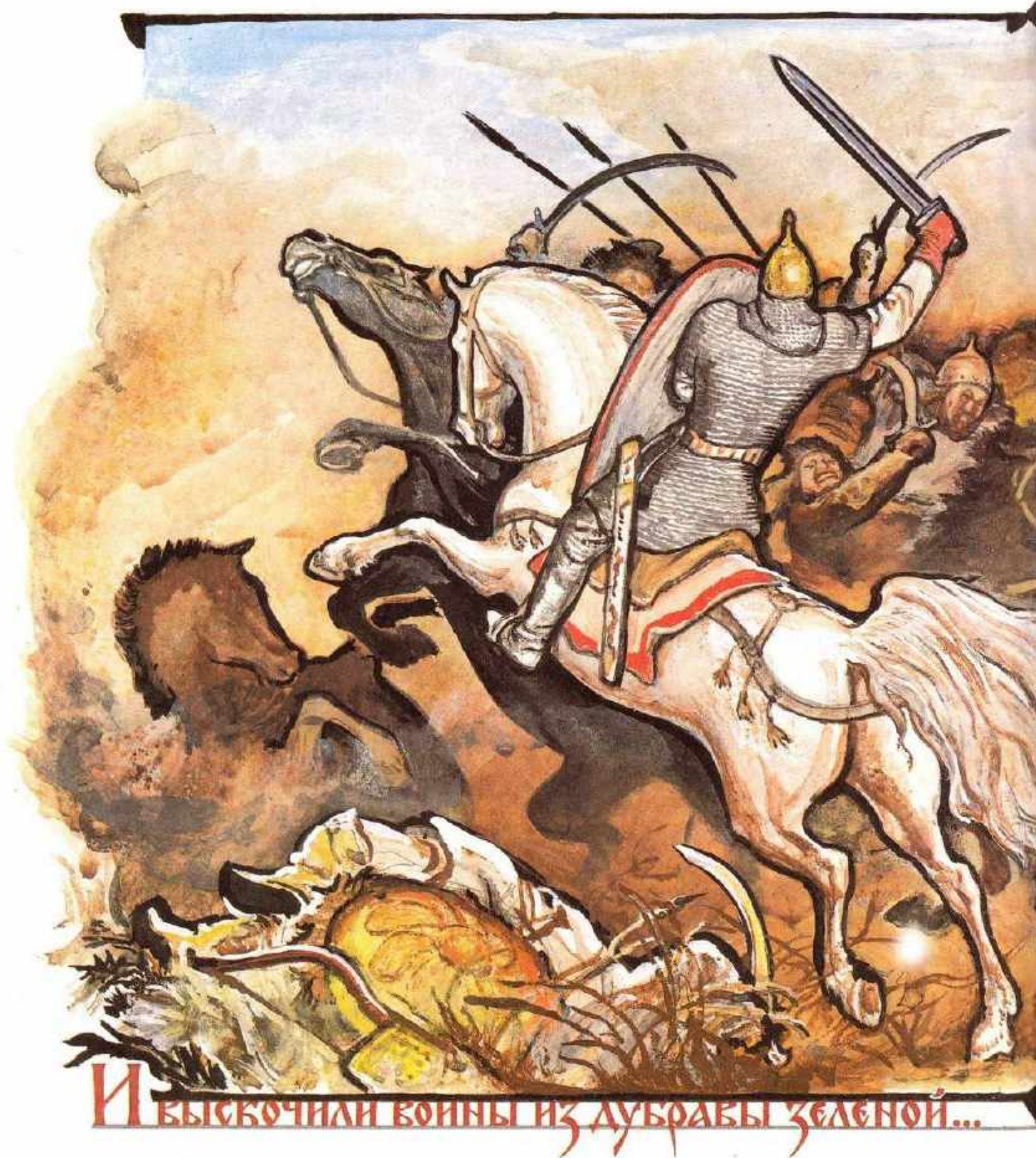
— Государь, князь Владимир Андреевич, вот и пришло время наше!

Взглянул князь Владимир Андреевич на образ архистратига Михаила, что вышит на его знамени, и, взяв копье свое в руки, кликнул клич:

— Братья мои и друзья, и князья, и бояре, и все сыновья русские, вперед, за мною!

И выскочили воины из дубравы зеленой. Как ясные соколы срываются с золотых колодок на журавлиное стадо, так и эти витязи, направленные в бой добрым воеводою, обрушились на врага, будто на овечье стадо, и начали поганых сечь, как траву косой косить.

Татары же, увидев их, воскликнули в один голос:



И ВЫСКОЧИЛИ ВОИНЫ ИЗ ДУБРАВЫ ЗЕЛЕННОЙ...



И ОБРУШИЛИСЬ НА ВРАГА ...

— Увы, увy нам! Перехитрили нас русские — молодые с нами бились, а опытные воины остались все целыми, утаившись в дубраве!

А сыновья русские, силою святого духа и помощью святых страсто-терпцев Бориса и Глеба, погнали татар, побивают их, летят головы татарские, точно лес рубят. Побежали татары с криком:

— Увы, увy нам и тебе, честной Мамай, — вознесся ты до небес, а теперь до ада низвергнешься!

Безбожный же царь Мамай, увидев, что стали его побеждать, начал призывать богов своих — Перуна, и Салфата, и Раклия, и Хорса, и великого помощника Магомета, — но не было ему помощи от них, ибо сила святого духа как огнем палила татарские полки: русские воины так рубили татар мечами, что ни один из них не мог спастись.

Увидев свежие силы русских и уразумев погибель свою, царь Мамай вскочил на коня и с четырьмя князьями ордынскими ускакал в степь. Погнались было за ними воины русские, но не догнали их, потому что кони утомились, и возвратились они назад.

А князь Владимир Андреевич стал под великим черным знаменем и повелел трубить в сборную трубу, и начали сыновья русские собираться с грозного побоища, каждый под знамя своего полка. И когда ехали, то одни пели стихи мученические, а другие — богородичные.

И не увидел князь Владимир Андреевич великого князя всея Руси Дмитрия Ивановича: едут невредимыми с побоища литовские Ольгердовичи, а великого князя нет ни с какой стороны. Подождали некоторое время, и ниоткуда не появлялся великий князь Дмитрий Иванович. Начал князь Владимир Андреевич плакать, охватило его глубокое горе, и стал он сам по полкам ездить и искать государя своего — и не нашел его. И говорил он со слезами:

— Где победитель нашей победы и пастырь овец своих?

И еще сказал:

— Братья мои милые, тот кто увидит или услышит голос пастыря нашего, первым человеком будет у нас!

И сказали литовские князья Ольгердовичи:

— Мы думаем, что жив князь великий, но где-нибудь среди мертвых лежит.

Князь Борис Углицкий сказал:

— Я видал великого князя в пятом часу — яростно бился он палицею своею.

В это время подъехал князь Михайло Иванович Байков и рассказывал:

— Я видал великого князя в шестом часу, бьющегося с четырьмя татарами.

Тогда проговорил князь Степан Новосильский:

— Я его, государя, видел перед самым твоим приходом — шел он пешим с побоища, сильно раненный.

Князя же и бояре и молодые отроки, оставшиеся в живых, разошлись в разные стороны по грозному побоищу искать победителя победы — великого князя Дмитрия Ивановича. Наехали на убитого князя Михаила Андреевича Бренка в плаще и в шлеме великого князя. А тут же рядом с ним лежал князь Федор Семенович Белозерский, и приняли его за великого князя, потому что был он похож на Дмитрия Ивановича.

В это время два сына боярских, родом костромичи, Федор Сабур да Григорий Холопищев, немного уклонились под гору к речке и увидали государя своего, победителя победы, великого князя Дмитрия Ивановича, — лежал он под расщепленной березою. И, быстро соскочив с коней своих, поклонились они государю своему.

Сабур же не медля сел на коня, поскакал к князю Владимиру Андреевичу и поведал ему:

— Государь наш, князь великий Дмитрий Иванович, жив, царствует вовеки.

Князь же Владимир Андреевич и все князья и бояре, услышав это, от радости прослезились, и поскакали к великому князю, и, подъехав, пали в ноги ему, и так сказали:

— Радуйся, государь наш, древний Ярослав, новый Александр, победитель врагов!

А великий князь Дмитрий Иванович с трудом промолвил:

— О чем вы говорите мне?

И сказал князь Владимир Андреевич:

— По милости божьей и пречистой его матери, и с помощью сродников наших Бориса и Глеба, и молитвами русского святителя Петра и нашего пособника и поборника нашего, игумена Сергия, по молитвам всех их, враги наши побеждены, а мы спасены!

Услышав это, великий князь Дмитрий Иванович поднялся и сказал:

— В этот день, дарованный нам господом, возрадуемся и возвеселимся!

И еще промолвил он:

— Велик ты, господи, и чюдны дела твои. Хвалю тебя, господи боже мой, и почитаю имя твое святое за то, что ты не дал восторжествовать



иноплеменникам, которые поднялись на меня, но судил ты их, господи, по делам их! Я же вовеки уповаю на тебя.

Подвели великому князю коня, сел он на него и поехал по побоищу. И увидел он множество убитых из войска своего, а вчетверо больше того было побито поганных татар. Обернулся князь великий к Волинцу и сказал:

— Воистину не ложно предсказание твое, подобает тебе всегда быть воеводою и полководцем!

И начал князь великий с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с оставшимися в живых князьями объезжать грозное побоище, стеная в сердце своем и омывая лицо свое слезами при виде столь большого числа убитых христиан.

Не было видно на поле Куликовом пустого места: все оно было покрыто человеческими телами. Много лежало здесь христиан, а в семь раз больше того побито поганных. Текла кровь потоками и собиралась в лужи.

И наехал великий князь на князей белозерских — все восемь были убиты, а неподалеку углицкий князь Роман Давыдович да четыре сына его — Иван, Владимир, Святослав и Яков Романовичи — лежат все вместе. Заплакал князь великий и промолвил:

— Братья, смотрите, как эти князья за православную веру головы свои положили на едином месте друг за друга!

И, отъехав немного, наехал он на убитого Михаила Васильевича, пятерых князей ярославских и четырех князей дорогобужских, да тут же лежат князь Глеб Иванович Брянский и Тимофей Волуевич, а с ними рядом лежит дворецкий его Иван Кожухов, изрубленны на куски. Став над ними, заплакал великий князь и сказал:

— Братья мои любимые, князья и бояре и все сыновья русские, сегодня вы положили головы свои за веру христианскую и за мою великую обиду, и если имеете вы дерзновение пред господом богом, то молитесь о нас!

И снова переехал он на иное место и увидал наперсника своего Михаила Андреевича Бренка да верного хранителя своего Семена Мелика. И сказал князь великий:

— Братья мои, убиты вы потому, что обликом своим походили на меня.

И поехал он на другое место, и увидал убитого троицкого старца Пересвета — лежал он вместе с татарским богатырем, — и сказал князь великий:





— Смотрите, братья, от этого татарского богатыря все мы приняли бы смертную чашу, но бог по своей милости даровал нам такого же богатыря.

И когда поехали оттуда, то наехали на убитых Ивана Родионовича Квашню да Андрея Серкизовича. Прослезился над ними князь Владимир Андреевич и поведал великому князю:

— Гнались за мной четыре татарина с мечами, но божьей милостью Иван Родионович Квашня да Андрей Серкизович увидали нас, нагнали, схватились с этими безбожными и головы свои за меня положили. Спасли они меня.

И приказал он тела их поднять, нарядить в белые атласные одежды, положить в гробы и отвезти в вотчины их, к их женам и детям.

Поехал великий князь дальше по побоищу и наехал на отважного воеводу своего Даниила Белоусова, и тут же пали: Константин Кононович и новгородские посадники Тимофей Константинович Микулин да Яков Зензин, а вокруг них вместе лежат побитыми семьсот новгородских выборных дворян. И начал великий князь оплакивать их:

— Любимые мои братья, приехали вы своею волею ко мне, а не по моему приказанию, видя меня в беде великой, и головы свои сложили!

После этого великий князь Дмитрий Иванович приехал под свое великое черное знамя и приказал трубить во все трубы, и на звонкие трубные голоса собрались все уцелевшие князья и бояре. И воскликнули они:

— Здравствуй, государь наш великий князь Дмитрий Иванович!

Он же, став среди них, сказал сквозь слезы:

— Братья мои, князья русские и бояре местные, ведь вам подобает и дальше так служить, а я, если будет на то господня воля, когда возвращусь на свое великое княжение, по достоинству буду всех вас жаловать. Теперь же, братья, похороним убитых христиан, чтобы не растерзали тела их звери!

И велел он разбирать тела убитых, чтобы отделить христиан от поганных. Двенадцать дней стоял на Дону великий князь, пока разбирали тела убитых. Всех князей, бояр и дворян, которые были убиты, велел он отвезти на Русь, по домам их, где кто жил. Для всех же остальных убитых воинов велел он на Куликовом поле большие могилы копать по высоким местам, и всего таких могил великих выкопали триста тридцать, и повелел великий князь тела убитых класть с почестями в эти могилы и над ними насыпать высокие земляные курганы.

И стал великий князь над этими братскими могилами, заплакал и сказал:

— Братья мои милые, сыновья русские, простите и благословите в этом веке и в будущем. Вам, братья, суженое это место на поле Куликовом между реками Доном и Непрядвой. Положили вы головы свои за святую православную веру!

А с убитых поганных повелел великий князь снимать доспехи, и одежды, и золото, и серебро, и оружие, и конское убранство велел собирать, а тела убитых врагов велел оставить на Куликовом поле на съедение псам и диким зверям.

После этого вернулся великий князь Дмитрий Иванович в шатры свои и сказал:

— Братья мои, князья, и бояре, и воеводы, сосчитайте мне, сколько побито православных христиан, и сколько убито князей, и бояр, и воевод, и сколько осталось?

Воеводы и бояре четыре дня считали и сосчитали побитых и оставшихся в живых. И доложил великому князю московский большой боярин, князь Михайло Александрович Воронцов:

— Убито, государь, сорок бояр московских, да двенадцать князей московских же, да два посадника новгородских. А князей, и бояр, и выборных дворян, и воевод твоей государевой русской вотчины, и Великого Новгорода, и всего войска православных христиан, и литовских людей, которые пришли с Ольгердовичами, убито, государь, двести пятьдесят тысяч, а в живых осталось после побоища пятьдесят тысяч, а поганных побито восемьсот тысяч, только безбожный царь Мамай с четырьмя ордынскими князьями убежал в Орду и там убит своими же — так бесславно окаянный окончил жизнь свою!

Сосчитали князья литовские Ольгердовичи силы свои, которые с ними пошли, — убито двадцать пять тысяч, а осталось силы у них пять тысяч.

Князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, одарили литовских князей щедрыми дарами и, расцеловав их по-братски, отпустили их с честью в свою отчину.

А сам князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, и со всеми князьями и боярами в великой радости поехал с поля Куликова к сильному государству Московскому.

Ольгерд Литовский, услышав, что князь московский Дмитрий Иванович разгромил безбожного и самохвального царя Мамай, возвратился

ни с чем в Литву со срамом великим. А Олег Рязанский позорно окончил жизнь свою: тот, кто другому яму роет, сам в нее упадет.

Когда великий князь Дмитрий Иванович приехал на Рязанскую землю, то узнал о позорной смерти Олега и о том, что все бояре его разбежались по чужим землям. И сказал князь Дмитрий Иванович:

— Осудил господь его справедливо за его великую злобу. Я же ему никакого зла не причинил.

И великий князь у княгини Олега Рязанского не отнял ни одной десятины Рязанской земли.

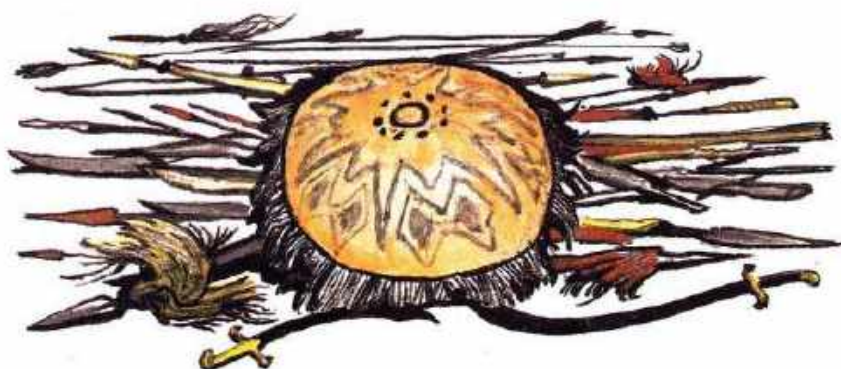
И пришел князь великий Дмитрий Иванович в великой славе на великое свое княжение в Москву. Преосвященный митрополит Киприан со всем собором своим и с живоносными крестами встретил великого князя далеко за городскими стенами, около Котла, осенил его крестным знамением и сказал:

— Этим знамением победил ты врагов своих! Царствуй теперь, государь великий князь Дмитрий Иванович!

Великая княгиня Евдокия со снохою своею, княгинею князя Владимира, и с иными княгинями и боярынями, и с воеводскими женами встретила государя своего, великого князя Дмитрия Ивановича, во Фроловских воротах. И от радости, вся в слезах, не могла и слова вымолвить. И целовала она государя своего, великого князя:

— Здравствуй, государь, победитель врагов своих!

И все княгини и боярыни целовали мужей своих.





Задонщина





Задонщина
Слово о великом князе
Дмитрии Ивановиче и
о брате его, князе
Владимире Андреевиче,
как победили супостата
своего царя Мамаю

ВЕЛИКИЙ князь Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича, и сказал он:

— Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит уже у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в землю Залесскую.

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. А после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры невесела земля Русская; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей,

которые оставили дома свои, жен и детей и все достояние свое и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! Лучше, братья, возвышенными словами вести нам этот героический рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям. Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гуслера в Киеве. Ведь тот вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхваляю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в степь Половецкую!

Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона великого на берегу. Звонят колокола вечевые в Новгороде Великом, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так:

— Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?

И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорят таково слово:

— У Дона стоят татары поганые, Мамай царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и биться насмерть во славу нашу.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович:

— Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович:

— Братья и князья русские, гнездо мы князя великого Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!

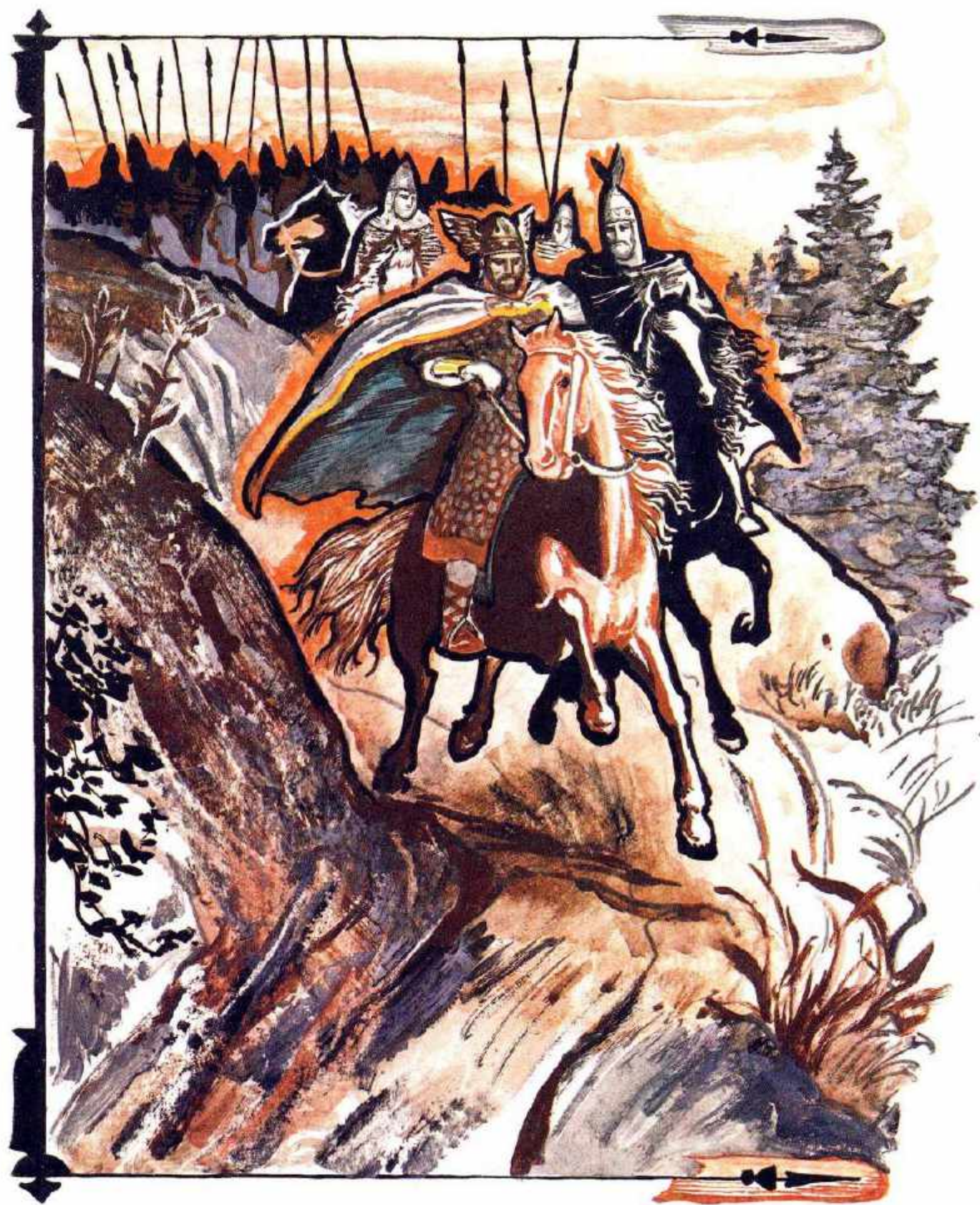
О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича, и брата его князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович брату своему:

— Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удалцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!

И сказал ему Дмитрий:

— Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать





великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр полкам — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников.

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, а в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже закрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали: это поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чую.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамай.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу:

— Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и отчину нашу отнимают!

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович:

— Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы



Сильные рати сошлись вместе



И РАСТОПТАЛИ ХОЛМЫ И ЛУГА, ЗАМУТИЛИСЬ РЕКИ...



великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские: Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все, как один, готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить.

Уже ведь те соколы, и кречеты, и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копьа каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом, на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, замутились реки, и потоки, и озера. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них непрерывно сверкали молнии и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой богородицы.

Не туры возревели у Дона великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона великого, а посечены князья русские и бояре и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да и Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на место суда привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу:

— Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!

Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату Пересвету-чернецу:

— Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах стен московских, так причитая:

— О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!

А жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая:

— Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!

А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали:

— Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удалцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!

А Див уже кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными. Щуры запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — запричитали жены коломенские, приговаривая так:

— Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?

Так говорили они:





И ТОГДА КАК СОБОЛЫ



СТРЕМІЛАВ ПОЛЕТЕЛИ НА БЫСТРЫЙ ДОН.

— Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях.

В тот же день, в субботу, на Рождество святой богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич, врезался со своей ратью в полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалял он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича:

— Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не по-такой крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам:

— Братья бояре и воеводы и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть.

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович:

— Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора вовеки, да не посмеются надо мной враги мои!

И помолился он богу и пречистой его матери и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда как соколы стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели — поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал:

— Брат князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападем, брат, своими полками сильными на рать татар поганых.

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые закрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!



Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганных вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны, и кровью их реки потекли. Тут поганные рассыпались в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая:

— Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не прашивать.

Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло. Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликование. Преодолела слава русская хулу поганных. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стрелей, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамай, хиновина, за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганные оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги:

— Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побил теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батые-царя: у Батые-царя было четыреста тысяч латников и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда бог Русскую землю за ее согрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и го-

сподь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, словно сенные стога, у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович:

— Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей нет?

Тогда отвечает Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу:

— Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет у нас сорока бояр больших московских, да двенадцати князей белозерских, да тридцати бояр — посадников новгородских, да двадцати бояр коломенских, да сорока бояр переяславских, да двадцати пяти бояр костромских, да тридцати пяти бояр владимирских, да пятидесяти бояр суздальских, да семидесяти бояр рязанских, да сорока бояр муромских, да тридцати бояр ростовских, да двадцати трех бояр дмитровских, да шестидесяти бояр звенигородских, да пятнадцати бояр угличских. А погибло у нас всей дружины двести пятьдесят тысяч. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович:

— Братья бояре и князья и дети боярские, то вам суженое место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю, к славному городу Москве, и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!

Богу нашему слава.





СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Стр. 21



ПЕРЕВОД «Слова о погибели Русской земли» сделан по псковскому списку «Слова» XV в. (хранится в Государственном архиве Псковской области). Отдельные ошибочные написания в этом списке исправлены по второму списку XVI в. (из Древле-хранилища Института русской литературы АН СССР в Ленинграде). Научное издание текстов «Слова о погибели» см.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». — М.—Л., 1965.

...великого князя Ярослава. — Имеется в виду Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978—1054), великий князь киевский, сын великого князя киевского Владимира Святославича («Владимира Красное Солнышко» русских былин). После длительной борьбы с братьями Ярослав объединил под своей властью почти все древнерусские земли. Время его княжения ознаменовалось политическим укреплением Киевской Руси, высоким развитием культуры. Поэтому и был прозван Мудрым. В 1038—1042 гг. предпринял ряд походов на литовские племена, в том числе на ятвягов, и на другие пограничные с русскими княжествами земли, которые упоминаются в «Слове о погибели».

Угры — венгры.

Ляхи — поляки.

Ятвяги — литовское племя.

Немцы. — Здесь под немцами подразумеваются народы Скандинавских стран.

Устюг — город Великий Устюг в низовьях Сухоны, притока Северной Двины.

...поганые тоймичи. — В Древней Руси поганями назывались язычники и вообще все народности, которые исповедовали нехристианскую религию. Современного эмоционально-оценочного значения это слово в ту пору не имело. *Тоймичи* — название народностей, живших по берегам Верхней и Нижней Тоймы — притоков Северной Двины.

Дышащее море — Белое море и Северный Ледовитый океан. Назывались Дышащим морем из-за больших приливов и отливов — «море, которое дышит».

Болгары. — Имеются в виду народы Волжско-Камской Болгарии — государства, возникшего в X в. из финно-угорских племен в районе впадения Камы в Волгу.

Бургасы — мордовское племя.

Черемисы — марийцы.

...великому князю Всеволоду... — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212). Великий князь владимирский, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха. В 1162 г., изгнанный братом Андреем Боголюбским, уехал в Константинополь к императору Мануилу (который упоминается в «Слове о погибели»), в 1174 г. вернулся. С 1176 г. великий князь. При Всеволоде возросло могущество Владимиро-Суздальского княжества. В 1183 и 1186 гг. предпринял походы на волжских болгар и мордву.

...отцу его Юрию... — Юрий Владимирович Долгорукий (конец 90-х гг. XI в. — 1157). Сын Владимира Мономаха, князь суздальский и киевский. В годы правления Юрия Долгорукого впервые упоминается под 1147 годом Москва, укрепленная Юрием Долгоруким в 1156 г. При Юрии Долгоруком начался экономический и политический подъем Северо-Восточной Руси. В 1120 г. Юрий Долгорукий предпринял поход на волжских болгар.

Владимир Мономах — Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125). Великий князь киевский с 1113 по 1125 г. Мудрый государственный деятель, опытный полководец, писатель. Выступал против княжеских усобиц. Вел успешную борьбу с половцами. В период монголо-татарского нашествия и ига имя Владимира Мономаха, грозного врага Половецкой степи, стало символом князя-воина, защитника Руси от внешних врагов.

Половцы — кочевые племена, населявшие степи, граничившие с русскими землями по юго-востоку. Совершали многочисленные набеги на русские княжества. История Руси XI—XII вв. насыщена непрерывными войнами с половцами. Борьбе с половцами посвящено «Слово о полку Игореве». Само имя «половцы» стало в Древней Руси символом степных врагов Русской земли, поэтому половцами в древнерусских памятниках называют и монголо-татар.

Вяда — одно из мордовских племен.

...бортничали на великого князя Владимира — то есть платили дань медом.

Мануил — византийский император Мануил Комнин (1140—1180). Упоминание его как современника Владимира Мономаха — анахронизм.

Царьград — Константинополь — столица Византийской империи. Находится на европейском берегу пролива Босфор. Основан императором Константином (отсюда название Константинополь) в 330 г. В 1453 г. был захвачен турками и стал столицей Османской империи, получив название Стамбул. Древняя Русь была тесно связана и в государственном и в культурном отношении с Царьградом. Византийские императоры претендовали на мировое господство, во всяком случае, на первенствующее положение среди православных государств. Говоря о страхе византийского императора перед Владимиром Мономахом, автор «Слова» с особой силой подчеркивал этим могущество Руси во время княжения этого князя.

...от великого Ярослава и до Владимира... — от Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха.

...до нынешнего Ярослава... — Ярослав Всеволодович (1191—1246). Великий князь владимирский с 1238 по 1246 г., сын Всеволода Большое Гнездо, отец Александра Невского, брат Юрия Всеволодовича (см. следующее примечание).

...до брата его Юрия... — Юрий Всеволодович (1188—1238). Великий князь владимирский. Погиб во время Батыева нашествия в битве на реке Сити 4 марта¹ 1238 г.

¹ Здесь и далее даты дней по старому стилю.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Стр. 25

Перевод «Повести о разорении Рязани Батыем» сделан по изданию древнерусского текста памятника в книге «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 344—360. Научное издание текстов «Повести» см.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском (тексты). — В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы, т. VII. М.—Л., 1949, с. 257—406.

Через двенадцать лет после того, как была принесена из Корсуни чудотворная икона Николы... — В этой фразе имеется в виду история рязанской святыни — иконы Николы Корсунского, или Николы Заразского. Дело в том, что «Повесть о разорении Рязани Батыем», являясь сама по себе самостоятельной законченной повестью, вместе с тем входит в свод, который состоит из нескольких произведений, посвященных этой иконе. В первом из них, предшествующем «Повести о разорении Рязани Батыем», и рассказывается о перенесении иконы Николы из города Корсуни в город Рязанского княжества Заразск (совр. Зарайск). *Корсунь* — Херсонес — древний город, основанный греками в Крыму (входит в черту современного Севастополя).

Батый — хан, сын хана Джучи, внук Чингисхана. Возглавлял нашествие монголо-татар на Восточную Европу. После завоевания Руси в 1237—1240 гг., совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию. По возвращении из этих походов обосновался на Нижней Волге, где возникло монголо-татарское государство Золотая Орда (в древнерусских источниках называется Синей или Большой Ордой). При Батые была основана и столица Золотой Орды — Сарай Бату (Старый Сарай) на восточном берегу Волги, близ Астрахани. Умер Батый в 1255 г.

Рязань — это не современная Рязань, а Старая Рязань. В настоящее время на месте Старой Рязани находится городище на высоком берегу реки Оки, в 50 километрах юго-восточнее современного города Рязани. После разгрома Рязани Батыем в 1237 г. эта столица Рязанского княжества (по тем временам город был очень большим и цветущим) постепенно пришла в упадок, и в середине XIV в. столица княжества была перенесена в город Переяславль-Рязанский, который в 1778 г. был переименован в Рязань.

Юрий Ингваревич (Игоревич) — сын рязанского князя Игоря Глебовича, рязанский великокняжеский стол занял в 1220 г.

Георгий Всеволодович. — См. примеч. к словам «до брата его Юрия».

Давыд Ингваревич. — Имя этого князя встречается только в «Повести». Муромское княжество было тесно связано с Рязанским.

Глеб Ингваревич. — Имя этого князя встречается только в «Повести». Коломна в 1237 г. входила в состав Рязанского княжества.

Олег Красный. — Олег Ингваревич упоминается и в летописных рассказах о нашествии Батыя. Но согласно летописным данным он не брат, а племянник Юрия Ингваревича. Согласно тем же летописным данным Олег Красный, захваченный в плен, не был убит, а находился в плену до 1252 г., был освобожден, умер в 1258 г.

Всеволод Пронский. — Из пронских князей по имени Всеволод известен только Всеволод Глебович, который умер в 1207 или 1208 г., то есть задолго до нашествия Батыя.

Федор Юрьевич. — Имя этого князя встречается только в «Повести» и в рассказе о перенесении иконы Николы Заразского. Также только по этим произведениям известны имена его

жены и сына. Рассказ о перенесении иконы заканчивается повествованием об убиении по приказанию Батыя Федора Юрьевича и о самоубийстве его жены с сыном, которая, бросившись из «превысокого храма своего... заразишася до смерти... И от сея вины да зовется великий чудотворец Николае Зараский».

Пестун — воспитатель.

Ингварь Святославич. — Имя этого князя встречается только в «Повести».

...сродникам своим Борису и Глебу. — Все русские князья вели свой род от великого князя киевского Владимира Святославича (умер в 1015 г.), при котором на Руси было принято христианство (около 988—989 г.). Борис и Глеб, сыновья Владимира, после смерти Владимира были убиты братом Святополком (получившим в Древней Руси прозвище Окаянного), который захватил великокняжеский стол в Киеве. Позже против Святополка выступил Ярослав, захватил киевский стол, а Святополк погиб. При Ярославе его братья Борис и Глеб, убитые Святополком, в 1071 г. были канонизированы — официально признаны святыми. Борис и Глеб считались покровителями Русской земли и русских князей.

Агриппина Ростиславна. — Имя этой княгини, матери великого князя рязанского Юрия Ингваревича, встречается только в «Повести».

Пронск — город на левом берегу реки Прони, на юг от Рязани.

Бел — город Белгород в Рязанской земле, около города Венева, на восток от Рязани.

Ижеславец. — Этот город известен только по «Повести». Видимо, после уничтожения его монголо-татарами в 1237 г. не возродился.

Страстотерпец Стефан — персонаж евангельских легендарных преданий. Был побит камнями в 34 г. противниками христианского вероучения.

Пороки — осадные камнеметательные орудия.

Узорочье — драгоценности.

...пошел на города Суздаль и Владимир... — К Владимиру силы Батыя подошли в начале февраля 1238 г., захватив перед этим Коломну и Москву. Осада Владимира продолжалась с 3 по 7 февраля. Во время осады Владимира основными силами монголо-татар специально высланный отряд захватил и разгромил Суздаль.

Евпатий Коловрат. — Имя это известно только по «Повести».

Ингварь Ингваревич. — По летописным данным, Ингварь Ингваревич, брат Юрия Ингваревича, умер в начале 20-х гг. XIII в.

...шурича своего Хостоврула... — *Шурич* — видимо, сын шурина (шурин — брат жены). Имя *Хостоврул* известно только по «Повести».

Мурза — знатный феодал, глава рода (от персидского «амир-заде» — сын начальника, князя).

Санчакбей — военачальник, знаменосец.

Михаил Всеволодович Черниговский — сын князя Всеволода Святославича Чермного, был великим князем черниговским с 1224 по 1234 г. Во время нашествия Батыя бежал в Венгрию.

В 1245 г. вернулся в Чернигов. В 1246 г. пошел в Орду и был там убит по приказу Батыя. Существует древнерусская повесть «Об убиении Михаила Черниговского и боярина его Феодора в Орде».

...с агарянами и потомками измаильтян.— Это наименования народностей библейского происхождения. По библейской легенде, дети ветхозаветного патриарха Авраама (от разных жен) стали родоначальниками многих племен. От рабыни Агари у Авраама был сын Измаил. По настоянию жены Авраама Сарры Агарь с сыном Измаилом были изгнаны в Аравийскую пустыню. От Измаила произошли различные арабские племена. Поэтому в древнерусских памятниках восточные народы называются агарянами (потомки Агари) или измаильтянами (потомки Измаила).

...ведут свой род от Владимира Святославича... внучата... Святослава Ольговича Черниговского.— О Владимире Святославиче см. примеч. к словам «сродникам своим Борису и Глебу». Святослав Ольгович Черниговский (ум. в 1164 г.) назван ошибочно (он родоначальником рязанских князей не был). По-видимому, спутано отчество и в виду имелся Святослав Ярославич: его сын Ярослав Святославич (правнук Владимира Святославича) был родоначальником рязанских князей.

Михаил Всеволодович Пронский.— По летописям Михаил Всеволодович, сын Всеволода Глебовича Пронского, погиб в 1217 г., то есть за 10 лет до событий, описанных в «Повести».



СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

Стр. 43

Перевод «Сказания о Мамаевом побоище» сделан по одному из вариантов Основной редакции «Сказания», по изданию древнерусского текста этого варианта в книге: Русские повести XV—XVI веков. Л., 1958, с. 16—38. Научное издание текстов «Сказания о Мамаевом побоище» см.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржигала, Л. А. Дмитриев. М., 1959.

...над безбожными агарянами...— См. примеч. к словам «с агарянами и потомками измаильтян».

...победил Гедеон мадиамлян и Моисей — фараона.— Победа на Куликовом поле сравнивается со знаменательными сражениями из библейской истории: Гедеон с небольшим отрядом наголову разбил многочисленное войско мадиамлян, Моисей одержал верх над силами египетского фараона.

Дмитрий Иванович Донской (1350—1389) — великий князь владимирский и московский с 1359 г., сын Ивана Ивановича Красного, внук Ивана Даниловича Калиты. Проводил политику укрепления Московского княжества, направленную на подчинение Москве русских княжеств, централизацию государственного управления и военного дела. При Дмитрии Донском для укрепления Москвы в 1367 г. предпринимается постройка кремлевских стен из камня. В 1378 г. на реке Воже было разгромлено войско Бегича. В 1380 г. — Куликовская битва. В 1382 г. — разгром Москвы ханом Тохтамышем. Дмитрий Донской впервые передал по завещанию великое княжение владимирское и московское старшему сыну Василию без санкции Золотой Орды. Князь, обладавший титулом великого князя владимирского, считался старшим среди остальных русских князей.

Мамай — татарский военачальник (темник) при хане Золотой Орды Бердибеке (1357—1361), был женат на дочери Бердибека. В 1379 г. захватил власть и был фактическим пра-

вителем Золотой Орды. Однако ханом он именоваться не мог, так как не был потомком Чингисхана.

Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан) — римский император (361—363). Он выступил против христианской религии, возродив эллинистическое язычество. Христианские проповедники, как современные ему, так и более поздние, резко выступали против Юлиана, прозвав его Отступником. Юлиан погиб от вражеской стрелы во время походов на персов.

...убил князя Юрия и Василия... — По-видимому, имеется в виду Георгий (Юрий) Всеволодович Владимирский. *Василий* — видимо, князь козельский, про которого в летописи говорится, что во время взятия Батыем Козельска он пропал без вести: «инии глаголаху (говорили), яко (что) в крови утонул естъ, понеже (потому что) убо млад бе (был очень молод)».

...Иерусалим пленен был Навуходоносором... — Имеется в виду Навуходоносор II. Царь Новоавилонского (Халдейского) государства (604—561 гг. до н. э.). В 587 г. он захватил Иерусалим и разрушил его.

Олег — Олег Иванович, великий князь рязанский с 1350 по 1402 г. В интересах своего княжества он неоднократно вступал в сделки с Ордой. Отчасти это объяснялось местоположением Рязанской земли, расположенной между Московским княжеством и Ордой: обычно она первой подвергалась ударам со стороны Орды. Не исключено, что хотя Олег Рязанский и заключил союз с Мамаем, он умышленно не послал свои силы ему на помощь.

...город Коломну у меня отобрал. — Коломна, расположенная в 100 километрах юго-восточнее Москвы на реке Коломенке, была присоединена к Москве еще до княжения Олега — в 1301 г. Этот город являлся важным опорным пунктом в борьбе Москвы с монголо-татарами. По Оке, южнее Коломны, проходила граница между Московским и Рязанским княжествами.

Ольгерд — великий князь литовский (1341—1377). Неоднократно предпринимал походы против Москвы. О том, почему союзником Мамаея назван Ольгерд (на самом деле с Мамаем заключил союз его сын Ягайло), см. во вступительной статье.

...мог бы... пленить древний Иерусалим, как некогда халдеи. — Подразумевается пленение Иерусалима Навуходоносором.

Боровск — город юго-западнее Москвы, на реке Протве, входил в состав Серпуховского удельного княжества.

Владимир Андреевич — двоюродный брат Дмитрия Донского, князь серпуховской; был прозван Храбрым, а после Куликовской битвы и Донским. Талантливый полководец. Впервые участвовал в военном походе с Дмитрием, когда великому князю московскому было двенадцать лет, а ему девять. Руководил многими военными мероприятиями и походами Дмитрия Донского. Умер в 1410 г.

Киприан — митрополит всея Руси с 1376 по 1406 г. Болгарин знатного происхождения. На самом деле в 1380 г. Киприана в Москве не было.

Кесария — столица Каппадокии (государство в центральной части Малой Азии, с I в. н. э. — римская провинция, затем входила в состав Византийской империи).

...с великим отцом Василием... — *Василий Великий* — каппадокийский архиепископ, один из так называемых «отцов церкви», живший в IV в.

...послал своего воина Меркурия... — *Меркурий Кесарийский* — византийский святой. Согласно легенде, он был воином и по повелению свыше разбил неприятеля.

Захарий Тютчев.— Имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище». Эпизод с посылкой даров Мамаю, вероятнее всего, носит вымышленный характер и восходит к литературной традиции (ср. «Повесть о разорении Рязани Батыем»). Старинный дворянский род Тютчевых, к которому принадлежал знаменитый русский поэт Федор Тютчев, возводил свою родословную к Захарию Тютчеву.

Тихая Сосна.— Имеется в виду река Сосна, приток Дона (течет с запада на северо-восток в районе городов Ливны и Ельца). Через эту реку проходили дороги, по которым татары продвигались на Русь. Разведывательные отряды Мамаю должны были находиться как раз в районе реки Сосны.

День Успения пресвятой богородицы — 15 августа.

Владимир Киевский.— См. примеч. к словам «сродникам своим Борису и Глебу».

Пришли в Москву белозерские князья...— Белозерские князья действительно принимали участие в Куликовской битве. Федор Иванович (в «Сказании», как и в «Задонщине», ошибочно Семенович) и его сын Иван погибли во время битвы. Названы белозерские князья в перечне убитых на Куликовом поле в пергаменном Синодике (поминальной книге) XV века (Синодик находится в Государственном историческом музее, в Москве). *Каргопольский* — ошибочно вместо «Карголомский»: мелкие удельные княжества Кемское и Карголомское входили в состав Белозерского княжества и существовали только в конце XIV — начале XV в. Известен кемский князь Семен Васильевич, живший как раз в конце XIV — начале XV в. Имена Андрея Ивановича и Глеба Карголомского, кроме «Сказания», в других источниках не встречаются. В этом случае, как и в целом ряде других, «Сказание» сообщает сведения о лицах, неизвестных по другим историческим источникам. В ряде случаев это может объясняться тем, что в «Сказании» отразились сведения об именах, более нигде не зафиксированных, в отдельных случаях возможны ошибки и искажения, возникшие в процессе переписки списков произведения.

Пришли и ярославские князья...— Уделы князей Прозоровских и Курбских входили в состав Ярославского княжества. Перечисленные имена известны только по «Сказанию».

...пошел к... Троице, к... игумену Сергию...— Сергей Радонежский родом из Ростова. В 1330 г. вместе с родителями переселился в город Радонеж (отсюда — Сергей Радонежский). Был основателем Троицкого монастыря в радонежских лесах на реке Кончуре (в настоящее время Троице-Сергиева лавра в городе Загорске Московской области). Сергей принимал активное участие в борьбе Дмитрия Донского с феодальными князьями за укрепление и усиление Москвы и Московского княжества. Пользовался большим влиянием в политической жизни Руси. Умер в 1392 г. Троицкий монастырь являлся важным опорным пунктом Москвы, пользовался особым покровительством московских князей.

Литургия — церковное богослужение, совершаемое до полудня. Называется также обедней (служба до обеда).

Праздник Флора и Лавра — 18 августа.

Дай мне из своего полка двух воинов-старцев — Пересвета и брата его Ослябю.— Точных сведений о том, кто такие были Пересвет и Ослябя, у нас нет. Возможно, Дмитрий потому просит отправить с ним на Куликово поле именно этих иноков, что они до ухода в монастырь были известными воинами. Однако отправка Сергием на Куликово поле иноков из монастыря имела значение не столько военного характера, сколько идеологического и морально-этического. Сергей благословляет на военный подвиг иноков, хотя по монастырским правилам монахи не могли участвовать в сражениях. Этим деянием Сергия сражению на Куликовом поле придавалось особое значение: это была священная битва всей Русской земли.

Схи́ма — высшая монашеская степень и монашеское одеяние, соответствующее этой степени.

Церковь святой Богородицы — Успенский собор в Московском кремле (см. следующее примечание).

Петр — митрополит всея Руси с 1305 по 1326 г. Деятельность Петра была тесно связана с политикой московского великого князя Ивана Калиты (деда Дмитрия Донского), направленной на усиление и рост Москвы. После смерти Петра митрополичья кафедра перешла из Владимира в Москву, что имело большое значение для выдвижения Москвы на первое место среди остальных русских княжеств. Петр был погребен в заложенной им самим в 1236 г. в Москве первой каменной церкви Успения святой богородицы. Позже эта церковь была заменена новой — Успенским собором (1475—1479), который сохранился до нашего времени. Вскоре после смерти Петр был канонизирован — официально признан святым. Он считался покровителем Москвы.

...во Фроловские, и в Никольские, и в Константиновские ворота... — *Фроловские* — нынешние Спасские ворота Кремля; *Никольские* ворота, выходящие в сторону Красной площади, называются так и ныне; *Константиновские* (или Константино-Еленинские) ворота в настоящее время не существуют.

...церковь... архистратига Михаила — Архангельский собор в Кремле. В 1380 г. на том месте, где сейчас находится Архангельский собор в Кремле, построенный в 1505—1508 гг., стояла каменная церковь того же названия, сооруженная при Иване Калите и служившая княжеской усыпальницей. *Архистратиг* (греч.) — полководец.

...Евдокия со снохою своею... — *Евдокия*, дочь князя нижегородского Дмитрия Константиновича, жена Дмитрия Донского с 1366 г. Снохой ее названа жена двоюродного брата Дмитрия Донского, князя Владимира Андреевича Серпуховского.

Брашево (Брошево) — древнерусский городок в Коломенском уделе.

Симонов монастырь основан в княжение Дмитрия Донского в юго-восточных окрестностях Москвы на берегу Москвы-реки. Монастырь этот пользовался особым покровительством Дмитрия Донского.

Дорога на Котел — дорога, идущая от Москвы прямо на юг, по направлению к Серпухову. *Котел* — небольшой ручей, впадавший в Москву-реку. На нем было расположено село Нижние Котлы.

Набережные хоромы. — Вот как описываются эти хоромы в «Истории Москвы»: «Рядом с Успенским и Архангельским соборами из массы разнообразных зданий выделялся «златоверхий терем» великого князя Дмитрия Донского. Самой красивой частью деревянного дворца были выходившие на Москву-реку Набережные сени; спускавшиеся от них лестницы с рундуками придавали терему живописный вид. Хотя и построенный из дерева, великокняжеский дворец представлял собой великолепное для своего времени здание, соответствовавшее высокому политическому значению московских князей и их столицы» (История Москвы, т. I. М. — Л., 1952, с. 66).

Рундук — лавка в виде ларя, с подъемным сидением (как крышка ларя).

...что раньше случилось на Калке. — Имеется в виду битва с монголо-татарами на реке Калке в 1223 г.

Василий да Георгий. — Во время Куликовской битвы Василию (будущему великому князю московскому Василию Дмитриевичу) было 9 лет (родился в 1371 г.), Георгию — 6 лет (родился в 1374 г.).

...взял с собою... *десятерых купцов-сурожан.*— *Сурожанами* назывались купцы, торговавшие с богатым колониальным генуэзским городом на берегу Черного моря в Крыму — Сурожем (современный Судак). В других вариантах Основной редакции «Сказания» перечислены имена этих десяти купцов. Большинство из этих перечисляемых имен исторически достоверны.

Сиверка — небольшая река в районе Коломны.

Девичье поле — поле около Девичьего монастыря в Коломне.

Глеб Брянский.— Это имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище».

Дмитрий Всеволодович Холмский.— Холмский князь с таким именем встречается только в «Сказании» (Холмский удел входил в состав Тверского княжества).

Микула Васильевич — московский воевода; был свояком Дмитрия Донского — женат на сестре его жены. Погиб в битве на Куликовом поле.

Тимофей Волуевич — воевода. Имя Тимофея Волуевича названо среди убитых в упомянутом выше Синодике XV в.: в тексте записано «Тимофею Васильевичу», а на полях сделано примечание — «Валуевичу».

Иван Родионович Квашня.— В «Родословной книге» о роде Квашниных записано: «К великому князю Ивану Даниловичу пришел из Литвы Нестор Рябец, а у него сын Родивон, а у Родивона сын Иван Квашня...» Имя Ивана Родионовича названо в духовной грамоте Дмитрия Донского.

Андрей Серкизович — воевода. Назван среди убитых на Куликовом поле в Синодике XV в.: «Андрею Ивановичу Серкизову». В «Родословной книге», в статье о роде Старковых, читаем: «Приехал к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому из Большие Орды царевич Серкиз да крестился. А у Серкиза сын Андрей».

Даниил да Константин Кононовичи.— Эти имена известны только по «Сказанию о Мамаевом побоище».

Федор Елецкий.— Об участии елецкого князя Федора в битве на Куликовом поле сообщают историки В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин.

...как *Святополка, поглотит меня земля...*— Образ Святополка Окаянного, убийцы Бориса и Глеба, стал в Древней Руси метафорическим обозначением изменника и предателя. В рассказе о разгроме Святополка Ярославом в 1019 г. говорится, что Святополк, потерпев поражение, потерял рассудок и, охваченный манией преследования, «прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией и там окончил бесчестно жизнь свою». Заканчивая этот рассказ, летописец говорит, что «до сих пор» от могилы Святополка «исходит смрад злой».

Одоев — город на реке Упе, в 140 километрах на северо-запад от Куликова поля. На самом деле союзные Мамаю литовские силы пришли к Одоеву, когда битва уже окончилась.

Сыновья же Ольгерда, князь Дмитрий Полоцкий да князь Андрей Брянский...— Андрей Ольгердович и Дмитрий Ольгердович ко времени Куликовской битвы находились на службе у великого князя московского. Андрей (старший из всех сыновей Ольгерда) был в это время в Пскове, а Дмитрий — в Переяславле-Залесском. Оба брата погибли в 1399 г. в битве на реке Ворскле, во время похода великого князя литовского Витовта против Темиркутлуя.

Северские леса — леса Северной земли (в эту землю входил Брянск).

Березуй — древнерусский небольшой город (в XIX в. — село Березово) в 80 километрах от Куликова поля на север.

...последователи... Авраама, который... Лоту помог.— Этот образ, как и многие другие сравнения в «Сказании», взят из Библии: однажды на Сodom напали враги и увезли в числе пленных Лота, племянника Авраама. Авраам, узнав об этом, с вооруженным отрядом рабов бросился в погоню, освободил Лота и всех пленников.

Поприще — древнерусская мера длины, равная приблизительно 2 километрам.

...Ярослав, переправившись через реку, Святополка победил...— Первая битва между Ярославом и Святополком, после убийства Бориса и Глеба, произошла в 1016 г. на Днепре у Любеча. Войска стояли друг против друга по обеим сторонам реки в течение трех месяцев. Наконец, Ярослав со своими силами перешел реку, неожиданно напал на войско Святополка и одержал победу.

...Великий Александр, переправившись через реку...— Имеется в виду битва Александра Невского со шведами на Неве, в устье реки Ижоры. Перед битвой Александр перешел реку Ижору. *Римский король* — шведский король.

Федор Семенович Висковатый.— Имя Федора Семеновича Висковатого (как и весь следующий ниже расчет войск после переправы через Дон) встречается только в этом варианте «Сказания».

Ертаульные полки.— *Ертаул* — конный отряд, выполнявший во время походов задачи разведки. Военские подразделения с таким названием были созданы позже времени написания «Сказания о Мамаевом побоище». Здесь более позднее осмысление, возникшее в ходе переписывания списков «Сказания».

...прибыли из Великого Новгорода посадники...— *Посадники* — правители Новгорода, избравшиеся на вече из представителей наиболее богатых и знатных семей. Об участии новгородцев в Куликовской битве сообщают и некоторые редакции «Сказания» (в одной из редакций — так называемой Распространенной — помещен большой рассказ о помощи новгородцев Дмитрию Донскому) и «Задонщина». Однако новгородские летописи ничего об этом не говорят. Поэтому вопрос об участии Новгорода в событиях 1380 г. остается открытым.

Непрядва — приток Дона, впадающий в него с запада; ограничивает с севера Куликово поле. Куликово поле находится в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района Тульской области.

...с того шестого часа, полки расставлять...— в Древней Руси счет часов начинался с восходом солнца с первого часа до конца дня. Поэтому обозначение часов зависело от времени года. В сентябре месяце первый час дня — приблизительно половина седьмого утра по современному времяисчислению. Соответственно этому: два часа дня — половина восьмого, три — половина девятого и т. д.

Дмитрий Волынец — Дмитрий Боброк-Волынский — сын литовского князя на Волыни Кориата-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижегородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. Талантливый военный деятель. Принимал участие во всех походах Дмитрия Донского.

Яловцы — небольшие флажки, прикрепленные к наверху шлемов.

...даруй... как Константину победу...— Имеется в виду римский император Константин Великий (306—337), ведший успешные войны с франками и готами.

Александр Македонский.— Образ великого полководца древности Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.) пользовался большой популярностью у древнерусских книжников.

...подъехал к черному знамени великого полка.— Вопрос о том, какого цвета было великокняжеское знамя, до сих пор не решен (до нашего времени эти знамена не дошли). Ряд исследователей, в том числе академик М. Н. Тихомиров, считают, что черного. Во всех редакциях и вариантах «Сказания» великокняжеское знамя обозначается как черное. Возможно, однако, что первоначально было «чермное», то есть красное знамя.

Рождество богородицы — 8 сентября.

...Моисею против Амалика...— По библейскому преданию, молитва *Моисея* спасла его народ при переходе через пустыню от нападения племени амалекитян (*Амалик*).

...Ярославу против Святополка...— Имеется в виду битва Ярослава со Святополком на реке Альте в 1019 г., закончившаяся победой Ярослава.

Александру против... короля римского.— Имеется в виду победа Александра Невского над шведами на Неве в 1240 г. В «Повести о житии Александра Невского» говорится, что «римский король» (то есть шведский король) похвалялся завоевать всю землю Александра.

Голиаф — библейский исполин, побежденный в единоборстве юношей Давидом.

Куколь — головное покрывало схимника, черного цвета, по форме напоминающее шлем.

Не велико поле Куликово...— Куликово поле с востока и северо-востока ограничено Доном, а с запада и северо-запада — рекой Непрядвой. Русские войска расположились у Дона и Непрядвы, имея эти реки у себя в тылу. Это расположение было очень выгодным в тактическом отношении — фланги русского войска прикрывались естественными преградами. Мамай не мог на выбранном Дмитрием Донским месте достаточно эффективно использовать конницу и был скован в своих действиях.

...Мамай... начал призывать богов своих...— Автор «Сказания», желая подчеркнуть «идолопоклонство» Мамай, то, что он язычник, называет в числе богов Мамай и древнерусских языческих богов — Перуна и Хорса.

...шел он пешим с побоища, сильно раненный.— Перечисляемые в этом эпизоде имена известны только по «Сказанию о Мамаевом побоище». При этом в разных редакциях и вариантах произведения имена эти варьируются. В одном из вариантов «Сказания» в числе «самовидцев» того, как бился великий князь, перечислены простые воины-ополченцы: «Юрка-сапожник, Васюк Сухоборец, Гридя Хрулец».

Радуйся, государь наш, древний Ярослав, новый Александр...— Дмитрий Иванович сравнивается с Ярославом Мудрым и Александром Невским.

И доложил великому князю... Михайло Александрович Воронцов...— Расчет погибших на Куликовом поле имеется и в «Задонщине». Трудно решить вопрос, кто от кого заимствовал этот расчет, — «Сказание» из «Задонщины» или же наоборот. Как в «Сказании», так и в «Задонщине» расчет этот, который сильно варьируется в разных редакциях и вариантах «Сказания», носит явно гиперболический характер.

...Мамай... убежал в Орду и там убит...— Мамай после поражения на Куликовом поле собрал вновь силы, чтобы опять идти на Москву, но в это время на Золотую Орду пришел хан Тохтамыш и захватил власть в Орде. Мамай бежал в Кафу, где был убит.

...Олег Рязанский позорно окончил жизнь свою...— О смерти Олега Рязанского сразу после Куликовской битвы говорится только в этом варианте «Сказания». На самом деле Олег ушел в Литву и через год снова вернулся в Рязань.

ЗАДОНЩИНА

Стр. 95

Перевод «Задонщины» сделан по реконструкции текста памятника, опубликованной в книге «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 380—396. Научное издание текстов «Задонщины» см. в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 535—556. (Тексты подготовлены к печати Р. П. Дмитриевой.)

...в землю Залесскую.— Залесской землей назывались земли Владимиро-Суздальского княжества, а затем и Московского.

...удел сына Ноева Афета... удел сына Ноева Сима...— эти наименования народов, как и наименования «агаряне», «измаильтяне»,— библейского происхождения. По библейской легенде, во время «всемирного потопа», ниспосланного богом за грехи людей, бог спас за праведную жизнь Ноя с семьей. Он предупредил Ноя о потопе и заставил его построить ковчег— большой корабль. После потопа земля была разделена между сыновьями Ноя. Иафету достались северные и западные страны, таким образом Русь входила в «удел» Иафета. Хаму достался юг. Восток достался Симу, поэтому «удел» Сима— восточные страны.

Хинове— обобщенное наименование восточных народов, кочевников. В таком же значении это слово употребляется в «Слове о полку Игореве» (по другим памятникам неизвестно).

Каляла— река, на которой герой «Слова о полку Игореве» князь Игорь потерпел поражение в битве с половцами в 1185 г. Название реки Каляла встречается только в «Слове о полку Игореве», в летописной Повести о походе Игоря и в «Задонщине». Что это за река, до сих пор не выяснено. В науке существует несколько толкований значения этого названия реки. Наиболее убедительно возведение его к глаголу «каяти» — жалеть, оплакивать, то есть Каляла— река плача, река скорби.

...от Калкской битвы...— Имеется в виду битва на реке Калке в 1223 г.

...потомков... Владимира Киевского...— См. примеч. к словам «сродникам своим Борису и Глебу».

Боян— имя певца, который создавал свои поэтические произведения до автора «Слова о полку Игореве». Имя это называется лишь в «Слове о полку Игореве». Исходя из называемых в «Слове о полку Игореве» князьях, которым Боян пел свои «славы», видно, что он жил во второй половине XI— начале XII в. Автор «Задонщины», вероятно всего, знает о Бояне только из «Слова о полку Игореве».

Ярослав Владимирович.— См. примеч. к словам «великого князя Ярослава».

Я же помяну рязанца Софония...— В двух списках «Задонщины» Софоний Рязанец назван в заглавии как автор произведения. Но в самом тексте «Задонщины», что видно из приведенной фразы, Софоний выступает как лицо по отношению к автору постороннее. Кроме того, Софоний как автор произведения упоминается и в заглавии некоторых списков «Сказания о Мамаевом побоище». Возможно, Софоний Рязанец был автором еще одного сочинения о Куликовской битве, которое было известно и автору «Задонщины» и автору «Сказания», но до нас не дошло. Никакими сведениями о Софонии мы не располагаем.

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.— 160 лет после Калкской битвы было в 1383 г. Академик М. Н. Тихомиров высказал предположение, что такая ошибка в вычислении может свидетельствовать о 1383 г. как о времени написания «Задонщины».

...в степь Половецкую.— Как в летописях, так и в древнерусских литературных памятниках земли, занимаемые монголо-татарами, по аналогии с более древним периодом истории Руси назывались Половецким полем, а монголо-татары — половцами.

Серпухов — укрепленный опорный пункт южной окраины Московского княжества. Расположен на реке Оке.

...у храма святой Софии...— главный храм Новгорода Великого. Святая София — Премудрость божия считалась покровительницей и защитницей города. На площади около Софии, в Новгородском кремле, собиралось новгородское вече. Второе место сбора новгородского вече находилось на противоположном берегу реки Волхова — на торговой площади.

...у реки Мечи...— Река Красивая Меча — правый приток Дона.

...внуки мы Гедиминовы, а правнуки Сколомендовы.— Гедимин (ум. в 1341 г.) — великий князь литовский с 1316 г., отец Ольгерда. Сколоменд — возможно, искаженное имя литовского князя Скирмонта (ум. в 70-х гг. XIII в.), но Скирмонт не был предком Гедимины.

Сулица — короткое метательное копьё.

...в белокаменной Москве.— Кремль, построенный Дмитрием Донским, был из белого камня.

Червленые щиты — щиты, окрашенные черленью, яркой розово-красной краской, которая делалась из особого насекомого — червеца.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.— Эта фраза, вероятнее всего, восходит к следующему тексту «Слова о полку Игореве»: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» («О Русская земля! Ты уже за холмом!»; шолом — гора, холм). Автор «Задонщины» не мог не знать слова «шолом», таким образом, либо он располагал текстом «Слова», где было иное написание этого слова, не понятое им, либо он коренным образом переосмыслил этот образ «Слова о полку Игореве». Образ библейского царя Соломона является олицетворением мудрости, с чем связано много легендарных преданий о нем, в том числе широко бытовавших и в древнерусской письменности.

...рвутся с золотых колодок...— Колодка — приспособление для соколиной охоты. Вл. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» дает такое описание этого приспособления: «Брусок с двумя стойками и насестью, на которой держат ловчую птицу, призывая ее должником». Должник — ременные путы, в «Задонщине» они названы шелковыми.

Михайло Иванович — воевода. Назван среди погибших на Куликовом поле в Синодике XV в.

Кликнул Див...— Див упоминается и в «Слове о полку Игореве». Что означает это слово и в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине», не ясно, и толкование его значения носит предположительный характер. Большинство исследователей предполагают, что Див — какое-то мифическое существо.

Железные Ворота — Дербент, который в древности был крепостью, закрывавшей узкий проход между Каспийским морем и горами.

Орнач.— Город Орнач упоминается и в летописях, но единого мнения о том, что это за город, — нет. Н. М. Карамзин считает, что этот город находился в устье Дона. Но может быть, так назывался в древнерусских летописях Ургенч — столица Хорезма, уничтоженная в 1388 г. Тимуром.

Кафа — современная Феодосия. Генуэзская колония в Крыму.

Тырново — столица Болгарского царства. В 1393 г. город был захвачен и разгромлен турками. Совр. Велико-Тырново в Болгарии. Академик М. Н. Тихомиров, исходя из упоминания в «Задонщине» Тырнова, столицы христианского государства, до которой долетела весть о победе христиан над «погаными» считает, что «Задонщина» была написана, во всяком случае, не позже 1393 года, когда этот центр христианства был захвачен турками.

Рождество святой богородицы — 8 сентября.

...на место суда привели. — В древнерусском тексте «на суженое место». Сражение, поединок трактовались как «божий суд»: по божьему изволению побеждал правый. Смысл этой фразы в «Задонщине» становится понятным из «Сказания о Мамаевом побоище»: там рассказывается о поединке Пересвета с татарским богатырем перед началом общего боя.

...сыну моему Якову... — В некоторых вариантах Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» в числе воинов, посланных в поле в первом сторожевом (разведывательном) отряде, называется Яков Ослябьев.

Марья — жена Микулы Васильевича; Марья была сестрой великой княгини Евдокии.

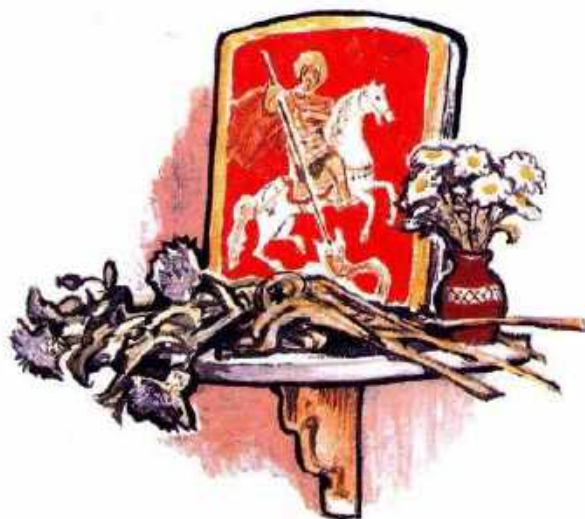
Андреева жена Марья. — Имеется в виду жена воеводы Андрея Серкизовича.

Михайлова жена Акинья. — Имеется в виду жена воеводы Михаила Ивановича.

Щур — певчая птица величиной со скворца. В мае самцы щура много поют, сидя на вершинах кустов или выступающих ветвях.

...на забралах городских стен... — *Забрало* (забороло) — защищенная галерея, идущая по верху крепостной стены.

День Акима и Анны — 9 сентября.





СОДЕРЖАНИЕ



Героические страницы древнерусской литературы
А.А.Дмитриев 5

Слово о погибели **Р**усской земли 21

Повесть о разорении **Р**язани
Батыем 25

Сказание о **М**амеевом побоище 43

Задонщина 95

Примечания 112





ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ

Древнерусские повести

ИБ № 2542

Ответственный редактор

Н. В. Беллкова

Художественный редактор

В. А. Горячева

Технический редактор

В. К. Егорова

Корректоры

Э. Л. Лофсфельд и М. Ю. Мерперт



Сдано в набор 04.02.80. Подписано к печати 15.07.80. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсет. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетн. Уел. печ. л. 16. Уч. изд. л. 11,8. Тираж 100 000 экз. Заказ № 928. Цена 3 р. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Москва, Сущевский вал, 49.



3-12 За землю русскую: Древнерусские повести/
Пер. с древнерус.; Сост., предисл. и примеч.
Л. А. Дмитриева; Рис. И. Архипова.— М.: Дет.
лит., 1980.— 126 с., ил.

В пер.: 3 р.

Книга выходит к 600-летию Куликовской битвы.

70803—411
3 М101(03)80 151—80

P1